

Военные
Приключения

ТЕМНЫЕ ТРОПЫ

АНДРЕЙ САЛОМАТОВ

Военные приключения (Вече)

Андрей Саломатов

Темные тропы

«ВЕЧЕ»

2019

Саломатов А. В.

Темные тропы / А. В. Саломатов — «ВЕЧЕ», 2019 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-7912-0

Трое молодых людей жаждут разбогатеть быстро и притом без особого труда, вот только времени на то, чтобы заполучить чужие деньги, совсем немного. А последующая цепочка событий показывает каждому из них, что мечты зачастую не совпадают с реальностью, в жизни все гораздо сложнее и плата за глупость и жадность бывает очень тяжелой...

ISBN 978-5-4484-7912-0

© Саломатов А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Васильевич Саломатов

Темные тропы

© Саломатов А.В., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Nec deus intersin¹.

¹ Пусть Бог не вмешивается (*лат.*).

Часть первая

Глава 1

Сергей Калистратов, двадцатичетырехлетний молодой человек с обыкновенной внешностью, но красивыми рыжеватыми кудрями, имел средне-экономическое образование, малогабаритную двухкомнатную квартиру в Кузьминках и хорошенькую ровесницу-жену, с которой они вместе работали в недавно созданном мелком банке «Золотой рассвет». Его жизненное кредо укладывалось в одну короткую фразу: «Чтоб было хорошо». Две приличные зарплаты, его и жены, да редкие случайные приработки позволяли придерживаться этого принципа, и на фоне не очень сытого детства и юности теперешняя жизнь выглядела вполне сносной. Правда, только до вчерашнего дня.

Калистратов вместе с толпой вывалился из битком набитого автобуса, молниеносно окинул взглядом большой, как стадион, пустырь перед домами, затем, чертыхаясь, поправил на себе измятый пиджак и оглядел затоптанные в автобусной свалке светлые замшевые туфли. На них четко обозначились два подковообразных грязных следа от каблучков.

Здесь, в не застроенном еще районе, метро не было, автобусы ходили часто только в часы пик, а потому даже в одиннадцать вечера частенько приходилось терпеть давку. Но сейчас в толкучке он чувствовал себя значительно спокойнее, справедливо полагая, что те, кто за ним охотятся, ездят в автомобилях.

От автобусной остановки до дома было не более двухсот метров, но Сергей пошел в обход, за домами, чтобы его нельзя было увидеть из окон квартиры. Он сделал большой крюк, затем остановился напротив подъезда метрах в ста и некоторое время наблюдал за дверьми и окнами лестничных площадок. Один раз на пятом этаже мелькнула темная мужская фигура, и Сергей непроизвольно отпрыгнул за угол, но потом сообразил, что в темноте на таком расстоянии разглядеть его невозможно, и снова вышел.

Простояв так больше часа, Калистратов понял, что в подъезде никого нет. Правда, засада могла ожидать его в квартире, но даже будучи трусом, Сергей рассудил правильно: с точки зрения тех, кто искал с ним встречи, его возвращение домой выглядело по меньшей мере глупо, поскольку они не знали всех обстоятельств дела. Кроме того, Калистратов был слегка пьян, а нынешнее безвыходное положение не оставляло ему выбора.

В дом входили и выходили соседи, иногда они появлялись в окнах лестничных площадок, но кого-то постороннего, кто обосновался бы здесь надолго, он не заметил. Не было даже знакомых подростков, обычно стоявших на третьем этаже с гитарой или замусоленной колодой карт. И тогда он решил.

В подъезд Сергей вошел с сильно бьющимся сердцем. Он не сразу попал в кнопку лифта, затем мучительно долго ждал, пока тот опустится на первый этаж, а когда двери открылись, сердце у него подпрыгнуло к горлу: из лифта вышел незнакомый здоровяк с непропорционально маленьким дипломатом в руке. Обмерев от испуга, Калистратов отшатнулся в сторону, блефуя, сунул руку в карман куртки, но человек не обратил на него никакого внимания и спокойно пошел к выходу.

Оказавшись у двери в собственную квартиру, Калистратов еще раз испытал удушливое состояние испуга, когда из соседней квартиры выскочил мальчишка. Он на бегу поздоровался и побежал вниз по лестнице, а Сергей долго после этого никак не мог попасть ключом в замочную скважину.

В квартире было совершенно темно, но Сергей не стал зажигать свет, боясь привлечь внимание с улицы. Он на ощупь пробрался в спальню, и здесь при слабом свете уличных фона-

рей убедился, что в его жилище уже побывали. Секретер был полностью выпотрошен, на полу валялись книги и бумаги, под ногами похрустывало битое стекло и даже тахта была крест-накрест вспорота и поставлена на бок.

– Обшмонали, сволочи, – тихо сквозь зубы проговорил Калистратов, пытаясь представить картину погрома при электрическом свете. Он подошел к секретеру, сунул руку туда, где еще недавно стояли книги, и, ткнувшись пальцами в заднюю стенку шкафа, еще раз выругался: – Уже успели, гады. – Купленный в прошлом году на Птичьем рынке дешевый газовый пистолет исчез вместе с пачкой патронов, как, наверное, и все, что было ценного в квартире.

Аккуратно поставив на пол располосованную тахту, Калистратов сел, закурил и задумался, что делать дальше.

Прошло всего два дня с тех пор, как Сергей с женой Леной и своим школьным дружкой Антоном Скоробогатовым похитили из банка «Золотой рассвет» небольшой синий чемоданчик с наборным замком и замысловатым тисненым вензелем в левом верхнем углу. В обтянутом дорогой кожей «дипломате» должно было лежать больше миллиона долларов. О том, что деньги появятся во вторник, случайно узнала Лена, которая работала секретарем заместителя директора банка. Она подслушала разговор своего немолодого начальника с невзрачным посетителем, больше похожим на обыкновенного конторского служащего какого-нибудь мелкого строительного управления. Этот пожилой облезлый гражданин совсем не производил впечатления миллионера: одет он был в кримпленовый костюм двадцатилетней давности, несвежую сорочку, заношенную до желтизны, и разбитые туфли со стесанными почти до подошвы каблучками. Не менее отталкивающе выглядело и лицо посетителя: прежде всего оно было удручающе скучным, и только поборов в себе неприязнь и приглядевшись, можно было увидеть, что у гражданина водянистые голубые глаза, он как-то неравномерно плешив, имеет рыхлую пористую кожу и большой, усыпанный угрями нос.

Загадочный визитер вошел в приемную почему-то боком, по-крабьи, смущаясь оглядел сияющее стеклом и латунью помещение и, словно понимая собственное несоответствие роскошной обстановке, сморщился и хриплым тенорком произнес:

– Александра Гавриловича мне... Мы договаривались.

– Во-первых, здравствуйте, – высокомерно ответила Лена, оглядев посетителя с нарочито презрительной гримасой.

– Да, извините, здравствуйте, – спохватился незнакомец. Видно было, что он страшно нервничает и от напряжения лоб его покрылся бисеринками пота, которые визитер машинально смахнул рукавом. – Он мне назначил на три часа, – пояснил пожилой гражданин и зачем-то посмотрел на левое запястье, где никаких часов не было и в помине.

– Фамилия, – тем же тоном спросила Лена, заглянув в список разрешенных посетителей.

– Иванов Николай Семенович, – торопливо ответил посетитель и запоздало достал из кармана мятого пиджака скомканный носовой платок той же тошнотворной несвежести, что и весь его музейный гардероб. Посетитель зажал его в кулаке, остервенело, будто стирая грим, вытер лицо и убрал платок обратно в карман.

Отыскав нужную фамилию, Лена взглядом еще раз продемонстрировала гражданину свое отношение к таким вот непрезентабельным посетителям и отправилась докладывать.

– Погодите, сейчас спрошу, – на ходу бросила она.

Реакция Александра Гавриловича поразила Лену. Услышав фамилию Иванов, заместитель директора отложил лист бумаги, на котором что-то писал, и резко поднялся.

– Зови. И сделай нам кофейку, – сказал он тоном, каким обычно отдавал распоряжения перед ответственной встречей. – Ко мне никого не впускать. Я для всех занят. Да, принеси-ка чего-нибудь закусить.

– У меня только... печенье, – растерянно проговорила Лена и пожала плечами.

– Ну, сбегай в буфет, возьми что-нибудь под коньяк, – раздраженно приказал Александр Гаврилович и, дойдя до дверей, уже с лучезарной улыбкой на лице промолвил: – А, Николай Семенович, здравствуйте. Заходите, а я вас уже давно жду.

Странный посетитель суетливо уступил секретарше дорогу, и она выскочила из кабинета с оскорбленно-недоуменным видом. Он же журавлиным шагом осторожно переступил порог и тихим голосом ответил на приветствие:

– Здравствуй, Александр Гаврилович. Вот, значит, я пришел. – Затем он кивнул в сторону приемной, и сладострастно причмокнув, добавил: – Секретарша у вас – красавица.

– Крокодилов не держим, – усмехнулся Александр Гаврилович.

Лена вернулась с набором шоколадных конфет и лимоном через несколько минут. Постучав, она тут же вошла в кабинет и застала конец монолога, который Иванов произносил, постоянно причмокивая и поглаживая себя по острым коленкам.

– Да, это самое опасное искушение. Когда предмет вожеления кажется слишком доступным, человек бросается к нему не раздумывая. На этом дураки и ловятся.

Лена проворно разобралась с конфетной упаковкой, достала из шкафа рюмки и тонко нарезала лимон. Все время, пока она накрывала на стол, Александр Гаврилович напряженно говорил о какой-то ерунде, словно дожидаясь, когда секретарша закончит и оставит их с посетителем наедине. Это еще больше распяляло ее любопытство, и так изрядно подогретое отвратной внешностью визитера и необъяснимым радушием хозяина кабинета.

Наконец Александр Гаврилович не выдержал.

– Спасибо, Лена. Ступай, мы здесь сами разберемся, – проговорил он, разливая коньяк по рюмкам.

– А то, может, хлопнете с нами рюмашечку? – неожиданно предложил гость каким-то развязным, неуместным здесь тоном. Он развернулся к секретарше всем корпусом и быстрым обыскивающим взглядом окинул молодую женщину с головы до ног.

– Она на работе, – поспешил ответить за Лену Александр Гаврилович и обратился к ней: – Иди, иди, Лена. У тебя там уже минут пять трезвонит телефон.

Заместитель директора просидел с плешивым гражданином около часа, и все это время Лена нервничала, ощущая непреодолимую потребность узнать, о чем они там беседуют. Пару раз она вставала между двумя кабинетными дверями и прикладывалась ухом к щели, но слышен был только звонкий тенорок посетителя, тогда как Александр Гаврилович говорил глухим тихим голосом, и Лене не удалось разобрать ни единой фразы.

Нечто поразившее ее она услышала только под конец встречи, когда посетитель громко отодвинул стул и начал прощаться. Слова, которые произвели на нее такое сильное впечатление, принадлежали заместителю директора. Видно, потеряв от коньяка всякую бдительность, он проговорил четко и громко:

– Значит, послезавтра в три я пришлю ребят. Миллион баксов в обычном кейсе – не стоит рисковать.

Посетитель в ответ пробормотал слова благодарности, а затем громко спросил:

– А сейф у вас надежный?

– Не волнуйтесь, он хотя и старенький, но его даже ацетиленовая горелка не возьмет, – успокоил старика Александр Гаврилович. – Разве что взрывчатка. А через три дня они уедут. Только вы уж сами никому не рассказывайте – береженого бог бережет.

Лена заняла свое место за секретарским столом всего за несколько секунд до выхода облезлого миллионера. Она поняла, что может выдать себя испуганным или даже просто изменившимся выражением лица и попыталась придать ему прежнюю надменность. Ей это почти удалось, хотя она и чувствовала, насколько эфемерна и фальшива эта маска пренебрежения. Если бы Александр Гаврилович узнал, что его помощница имеет обыкновение подслушивать под дверью, она наверняка лишилась бы работы, но опасения Лены оказались напрасными. Не

обратив на нее никакого внимания, мужчины пожали друг другу руки, и загадочный визитер, едва кивнув хорошенькой секретарше, покинул приемную.

Мысли о миллионе долларов занимали ее воображение весь остаток рабочего дня. Лена не то чтобы разрабатывала какой-то конкретный план похищения денег, она просто мечтала о миллионе: придумывала, как и куда его выгоднее поместить и на что потратить ту часть, которую следует оставить на прожитие. Попутно она несколько раз пыталась разгадать тайну плешивого рокфеллера, но для этого ей не хватало фантазии, а объекту ее размышлений – узнаваемых черт, присущих только сильным мира сего.

По дороге домой Лена обо всем рассказала мужу, и на протяжении всего ужина они в шутку придумывали, как извлечь миллион из сейфа. Теоретически это казалось очень простой задачей: она делает слепок с ключа от сейфа, который Александр Гаврилович частенько оставляет на столе. Затем Сергей в отсутствие начальника незаметно проходит в кабинет и забирает чудесный чемоданчик. В идеале на это должно было уйти не более тридцати секунд, то есть операцию можно было проверить за то время, пока хозяин кабинета справляет малую нужду. Правда, надо было еще исключить хотя бы самые очевидные случайности, которые обычно и губят непредусмотрительных дилетантов.

Разговор постепенно перешел в серьезное обсуждение деталей, и к ночи план окончательно созрел. Уверенности им придавало то, что деньги были «темными», сделка незаконной, а значит, официальное расследование полностью исключалось. Самое страшное, что могло произойти: начальство допросило бы и уволило секретаршу, то есть Лену, но ее алиби выглядело настолько бесхитростным и в то же время весомым, что обвинить ее могли разве что в халатности.

Сергею и Лене оставалось найти третьего участника операции, который принял бы деньги из окна сортира и надежно их спрятал. Оба, не сговариваясь, назвали Антона Скоробогатова – лихого, удачливого парня, чья фамилия часто служила поводом для застольных шуток. Официально Антон нигде не работал, но постоянно влезал в какие-то авантюры и имел с этого неплохие деньги. Кроме того, Сергей с Антоном когда-то три года проучились в одном классе, у него была машина, и, что самое главное, он жаждал заработать быстро, много и не отягощал душу пустопорожними размышлениями о морали.

Пластилиновый слепок с ключа Лена сделала на следующий же день, еще до того, как заветный чемоданчик был доставлен в «Золотой рассвет». Как это часто бывало, она попросила у Александра Гавриловича печать, взяла связку ключей и отперла сейф. Делая вид, что ищет коробочку с печатью, она оттиснула ключ в размятом пластилине и сама удивилась, как легко и чисто прошла первая часть операции. Миллион долларов обретали материальность, как растущий на грядке огурец, появившийся фактически из ничего, лишь благодаря простой идее – посадить и дать прорасти семечку.

Таинственного плешивого миллионера Лена больше не видела, зато во второй половине дня в приемную вошли два дюжих молодых человека, один из которых нес дорогой синий «дипломат» с тисненым вензелем. Давно готовая к этой сцене, Лена тут же принялась наводить на лице порядок – подкрашивать губы. Она лишь мельком равнодушно взглянула на посыльных и снова уткнулась в зеркальце.

– Александр Гаврилович занят, – сообщила она.

– Ты в ресторане давно не была? – спросил ее улыбчивый геркулес в строгом черном костюме.

– В ресторан я хожу только со своим законным мужем, – монотонно ответила Лена, не глядя на вопрошавшего. – Потому что мужики просто так ничего не делают. Угостят какой-нибудь несвежей котлетой, а ты потом отдувайся в постели, как за бочку с черной икрой.

– А с мужем что, не приходится отдуваться? – весело спросил разговорчивый курьер.

– С мужем я исполняю свои супружеские обязанности, – тем же холодным тоном ответила Лена. – И исполняю их хорошо.

– Да? – усмехнулся молодой человек. – Надо будет у него спросить.

Посыльные скрылись в кабинете заместителя директора и пробыли там около получаса. Про себя Лена решила, что в их присутствии Александр Гаврилович пересчитывал деньги.

После работы Лена отдала Сергею слепок с ключа, и остаток вечера они вслух предавались мечтам, как изменится их жизнь, когда они сделаются настоящими миллионерами. Лена предлагала купить квартиру в Париже и дом на западе Франции, на берегу Атлантического океана. Калистратов же ласково обзывал ее дурой и рассказывал об акциях какой-то российско-американской нефтяной компании, доходы которой росли в геометрической прогрессии. Он как пьяный ходил по маленькой кухне, наткнулся на табуретки и, возбужденно размахивая руками, подсчитывал, сколько понадобится времени, чтобы утроить первоначальный капитал. Выходило что-то около года.

– Тогда и дом можно будет купить, хоть в Париже, хоть в Нью-Йорке, – закончил он, но тут же вздохнул и разочарованно добавил: – Ерунда все это. Жалко.

– Сам ты ерунда! – неожиданно зло ответила Лена. – Такое бывает только раз в жизни.

Ключ Антон Скоробогатов изготовил уже к концу следующего дня, и друзья решили отметить важное событие хорошей выпивкой, но скромно, в домашней обстановке. Весь вечер этот маленький металлический символ будущего благосостояния пролежал посреди стола на блюдечке с золотой каемочкой, поскольку с голубой в доме не нашлось. Ключ поливали вином, придумали ему ласковое имя – Феденька, а под конец спьяну даже засунули его в торт, а затем по очереди облизали. Это было началом сладкой жизни, и ничто не предвещало неприятностей, а уж тем более – беды.

На следующий день Лена опробовала ключ, пока Александр Гаврилович сидел в кабинете у директора банка. Немного посопротивлявшись, сейф все же открылся, и Лена не смогла отказать себе в удовольствии полюбоваться хотя бы «дипломатом», под завязку набитым деньгами. Будущие квартира в Париже и дом на берегу океана скромно лежали на второй полке, и Лене стоило большого труда удержаться и не заглянуть внутрь.

Операция была назначена на утро следующего дня. Антону Скоробогатову определили место, где он должен был дежурить с самого открытия банка. Для конспирации ему подобрали одежду побесцветнее, темные очки, старую бейсболку и большую дерматиновую сумку для «дипломата». Сергею велено было весь день сидеть на своем рабочем месте и никуда не отлучаться, то есть ждать звонка Лены по внутреннему телефону. Он должен был выбросить чемоданчик с деньгами через окно в туалете на втором этаже. Передняя стенка с дверью делила окно пополам, а потому вертикальная фрамуга находилась внутри крайней кабинки.

Утром Сергей с Леной, как всегда, явились в банк и разошлись по своим рабочим местам. Калистратов сходил в сортир и открыл фрамугу – на день оконная сигнализация отключалась во всем здании. Затем Сергей вернулся за свой стол и принялся ждать условленного звонка, но через полчаса его вызвал заведующий отделом.

Больше получаса начальник что-то говорил, объясняя задание, но Калистратов почти ничего не понял. Он часто машинально поглядывал на часы, заметно нервничал и в какой-то момент поймал себя на мысли, что его поведение может показаться заведующему подозрительным. После этого Сергей перестал интересоваться временем, постарался изобразить на лице сосредоточенность и даже пару раз наугад в разговоре вставил ничего не значащие, но демонстрирующие внимание фразы.

На свое место Калистратов вернулся взмокший от пота и совершенно расстроенный. Почти сорок минут, проведенные у начальства, показались ему несколькими часами, а сама операция – проваленной. Плывший прямо в руки миллион долларов снова сделался недостижимым и призрачным как мечта о философском камне, несущем в себе бессмертие.

Позвонив Лене, Сергей выяснил, что за время его отсутствия ничего серьезного не произошло, но это известие несколько не успокоило его. Наоборот, он вдруг почувствовал страшное возбуждение и страх: ему еще только предстояло совершить первое в своей жизни ограбление, и плата за малейший просчет могла быть очень высокой.

Еще через пятнадцать минут к нему подошел заведующий отделом и спросил, готова ли бумага, о которой шел разговор в его кабинете? И тут Калистратов сообразил, что абсолютно ничего не понял из разговора с начальником. Он начал лихорадочно вспоминать, о каком именно документе идет речь, но секунды бежали, а память воспроизводила лишь какие-то ничего не значащие обрывки разговора.

– Извините, Алексей Севостьянович, – испуганно забормотал Сергей. – Я тут забегался, совершенно из головы вылетело. Какая выписка, вы говорите?

– Ты что с похмелья, что ли? – беззлобно удивился заведующий отделом и заглянул подчиненному в лицо. – Только что объяснял. Чего ж ты кивал как китайский болванчик?

– Да, с похмелья, – охотно подхватил Калистратов. – Вчера у друга был день рождения. Перебрал немного.

– Смотри, это тебе не автодормехбаза, – угрожающе-ласково предупредил Алексей Севостьянович и более снисходительно добавил: – Здесь ты всегда должен быть как огурчик, а душевные переживания и болезни оставь для дома.

Начальник еще раз принялся растолковывать Сергею суть задания, но его перебил звонок по местному телефону. Он прозвучал так неожиданно и пронзительно, что у Калистратова внутри все оборвалось. Заметно побледнев, Сергей посмотрел на трезвонящий аппарат как на ядовитую змею, затем перевел мученический взгляд на начальника и облизал пересохшие губы.

– Бери, чего ждешь? – внимательно рассматривая явно приболевшего подчиненного, сказал заведующий отделом.

Наконец, справившись с собой, Сергей снял трубку и сиплым голосом проговорил:

– Алло?

По телефону спросили соседа по комнате, но того не оказалось на месте, и Калистратов, пролепетав какую-то бессвязную фразу, бросил трубку.

– Напишешь заявку, иди домой, – уже в дверях сказал Алексей Севостьянович. – Толку от тебя сегодня никакого. Еще раз увижу пьяным в рабочее время, вылетишь с работы. Понял?

– Понял, – ответил Сергей и зачем-то попытался оправдаться: – Я не пьяный.

– Ну-ну, – кивнул начальник и закрыл за собой дверь.

Калистратов никак не ожидал, что перед решающим моментом поведет себя подобным образом. Он никогда не считал себя очень уж отважным, способным на любую аферу, но при обсуждении плана все выглядело так элементарно просто: вошел, взял, выбросил в окно. На деле же, вокруг сейфа с деньгами, вокруг кабинета, где стоял сейф, окрест банка, в котором находился кабинет, постоянно околачивалось огромное количество людей, готовых помешать ему, арестовать и надолго засадить в тюрьму. Еще недавно Сергей мыслил себя неплохим актером, что и должно было сыграть главную роль в операции и построении алиби. Но экзамен показал обратное, и собственное малодушие сильно напугало его. Очевидная неподготовленность к ограблению ставила под сомнение и успех, и саму безопасность участников, и в первую очередь – его собственную. Бледный фантом тюремной решетки уже маячил у него перед глазами. За какие-то секунды перед Калистратовым как в кино пробежала вся его последующая жизнь, и не было в ней ничего от того уютного теплого мирка, в котором он существовал последние несколько лет. Перед ним мелькали сумрачные сцены лагерной жизни: побои, унижения, бессмысленная тупая работа, и эти призрачные видения вызвали в нем совершенно подлинную неутолимую, всепожирающую тоску по воле и нормальным человеческим отношениям.

Зазвонил местный телефон. Углубившись в собственные переживания, Сергей вздрогнул, потянулся за трубкой и с отчаянием подумал: «Все, поздно! Это конец!»

В трубке вначале что-то булькнуло, захрипело, а потом послышался заговорщицкий голос Лены:

– Иди. Все в порядке.

«Какой там в порядке! – запаниковал Калистратов и в сердцах швырнул трубку. – Дура! В игрушки играет!»

Сергей испуганно посмотрел на соседа, но тот сидел, уткнувшись в экран монитора и не обращал на него внимания. Мысли Калистратова перемешались, они наскакивали друг на друга и исчезали недодуманные, отчего в голове роились одни вопросы, тогда как ответы на них находились где-то за пределами его взбудораженного сознания. Сергей несколько раз подходил к двери, брался за ручку и возвращался назад. Время бежало, надо было на что-то решаться, тем более что сосед по комнате уже заметил его метания, но искомый ответ никак не складывался в стройную формулировку.

Наконец Калистратов твердым шагом вышел из комнаты. По дороге к приемной его не покидала надежда, что все развалится само собой, что он слишком долгое время собирался с духом и момент упущен. Он даже мысленно прокрутил разговор с Леной, в котором убеждал ее отказаться от ограбления. «Деньги – дрянь, – обкатывал он в уме свои аргументы. – Их можно заработать и другим способом. Риск слишком большой, можно потерять все».

За какие-то секунды Сергей успел понять, сколь велика цена того, что они имеют и как тонка перегородка, отделяющая их от рокового шага. Но озарение лишь привело его в еще большее замешательство. С колотящимся сердцем он открыл дверь приемной, вошел и увидел жену.

– Лен... – возбужденно начал он, но Лена не дала ему договорить.

– Сейф я открыла, – прерывистым от волнения шепотом проговорила она. – Быстро бери, закрой сейф, ключи Антону, а я здесь. Если кто войдет – буду отвлекать.

– Лен!.. – почти закричал Калистратов.

– Он ненадолго! Потом! – Она схватила его за рукав, рванула на себя, а затем затолкала в кабинет.

Дальше Сергей действовал скорее сомнамбулически, чем сознательно. Он подскочил к сейфу, вырвал из него тяжелый «дипломат», захлопнул дверцу и трясущимися руками принялся закрывать сейф на ключ. Замок как назло не поддавался. Калистратов хотел было плюнуть и оставить сейф открытым, но в этот момент в приемной хлопнула дверь, и послышался громкий, но на удивление спокойный голос Лены:

– Александра Гавриловича нет. Зайдите через полчаса. – Посетитель что-то едва слышно ответил, и Лена безапелляционным тоном оборвала его: – Нет, здесь ждать не надо. Я сейчас уйду и закрою приемную.

С большим опозданием Сергей распахнул дверцу сейфа и принялся запихивать чемоданчик с деньгами на место. При этом он тихо сквозь зубы ругал и себя, и жену, обещал больше никогда не ввязываться в такие рискованные предприятия, каких бы миллионов они не сулили.

Он снова попробовал закрыть сейф, но в кабинет влетела Лена и, вытаращив глаза, хрипло прошептала:

– Взял?

– Нет, – отмахнулся Калистратов, ворочая ключ в замке.

– Я же его открыла, – ничего не понимая, проговорила Лена. – Ты что, идиот?! – Она подскочила к Сергею, отпихнула его и вытащила синий чемоданчик. – Струсил, гад?! – яростно зашептала она. – Даже этого не можешь сделать, паразит! Раз в жизни подвалило, а ты, гаде-ныш... Раз в жизни... Такого больше не будет! Иди, слюняй! – Она сунула ему в руки «дипломат», посмотрела в лицо, и тут Калистратов увидел в ее широко раскрытых глазах слезы.

Потом, когда у Сергея появилась возможность обдумать все происшедшее, он так и не сумел объяснить себе, как эти две дрожащие капельки влаги могли заставить его завершить начатое.

Лена быстро справилась с сейфовым замком, сунула ключ мужу в карман, и они выскочили из кабинета.

– Нам надо вместе уходить, – остановившись, умоляюще проговорил Калистратов.

– Ты с ума сошел? – прикрывая дверь в кабинет, ответила Лена.

– Да ты посмотри на себя в зеркало. Он же по твоей роже сразу обо всем догадается, – пытался убедить ее Сергей.

– По моей не догадается. Иди же! – простонала Лена, и Калистратов быстро направился к выходу. Но дверь распахнулась, в приемную вошел заместитель директора с пачкой документов в руках, и Сергей, оцепенев от ужаса, замер на месте.

– Дома будете семейные проблемы решать, – мельком взглянув на мужа секретарши, на ходу сказал Александр Гаврилович. Он сделал было пару шагов к дверям своего кабинета, но вдруг остановился и, обернувшись, внимательно посмотрел на Калистратова. Лена же, поковавшись в сумочке, швырнула ее на стол и вышла на середину комнаты.

– Да какие там проблемы, – с фальшивой веселостью сказала она. – У свекрови завтра день рождения...

– Что это с тобой? – не обращая внимания на слова секретарши, поинтересовался Александр Гаврилович. Взгляд его остановился на побледневшем, перекошенном лице Сергея, затем скользнул вниз, где из-за ноги выглядывал край злополучного синего чемоданчика, и в глазах заместителя директора появились растерянность и страх.

– Какой же ты!.. – с нескрываемой досадой обратилась Лена к мужу, догадавшись, что они разоблачены.

– Я сейчас, – затравленно пробормотал Александр Гаврилович, отступая назад к двери. – Забыл совсем...

Все решали доли секунды, и Лена оказалась гораздо проворнее своего начальника. Одолев разделявшие их несколько метров, она рывком вытянула руку и нажала на головку баллончика. Струя газа ударила в лицо Александру Гавриловичу. Он всплеснул руками, отшвырнул в сторону бумаги и попытался закрыться ладонями, но это ему уже не помогло.

Сергей и Лена с трудом затащили обмякшего заместителя директора в кабинет и бросили у сейфа. Затем Лена сбегала, заперла дверь в приемную на ключ, а когда вернулась, застала мужа в той же позе, в которой оставила. Нависая над телом, он как будто разглядывал потерявшего сознание начальника, но его истинное состояние выдавало выражение ужаса на посеревшем лице.

– Что ты стоишь?! – с ненавистью выкрикнула она. – Время! Время! Время!

– Он нас заложит, – каким-то неживым, замогильным голосом сказал Калистратов.

– Значит, надо... – начала Лена и не договорила, но по ее лицу Сергей понял, что она имела в виду.

– Все равно подумают на нас. Больше не на кого, – обреченно произнес Калистратов. – Надо уходить.

– Ладно, – вдруг спокойно согласилась Лена. – Сиди здесь и жди меня, придурок. Я отнесу деньги Антону.

Если бы она не обозвала его придурком, Сергей остался бы ждать, но Лена вложила в это слово столько презрения, что он понял – назад она не вернется. Это как будто привело Калистратова в чувство. Он бросился к двери, в этот момент Александр Гаврилович застонал и попытался перевернуться на бок. При этом он сучил ногами и широко раскрывал рот, пытаясь вдохнуть побольше воздуха.

– На, – Лена на раскрытой ладони протянула мужу газовый баллончик. – В рот, пока он не закрыл его. Побольше. И быстрее!

Схватив баллончик, Сергей вернулся к заместителю директора, затем с немим вопросом на лице подался было назад, но, увидев глаза жены, остановился и посмотрел на Александра Гавриловича. Калистратов не имел представления, как действует этот газ в больших количествах. Ему хотелось узнать, что будет с жертвой и кем после этого станет он сам, поскольку убийство никак не входило в его планы, но времени на расспросы не было.

– Слизняк, – заметив его колебания, проговорила Лена. – Я уйду. Если бы я знала...

– Стой! – решился наконец Сергей. Он подскочил к заместителю директора, наклонился над ним и пустил струю газа ему в раскрытый рот.

То, что произошло вслед за этим, отпечаталось в памяти Калистратова до мельчайших деталей. Александр Гаврилович вдруг выпучил глаза, конвульсивно выгнул спину и издал звук, с каким из сифона выходят остатки воздуха. Его налившееся кровью лицо страшно исказилось, дряблые щеки задрожали мелкой дрожью, но уже через секунду он, словно сдувшийся воздушный шар, обмяк и вскоре замер.

– Он... – начал Сергей и с безумным лицом посмотрел на жену.

– Уходим спокойно, – вымолвила Лена. – Что сделано, то сделано. Я подожду тебя у двери в туалет. Идем.

– Идем, – деревянным голосом повторил за женой Калистратов и, продолжая сжимать в руке баллончик, направился к выходу.

– Возьми себя в руки, – тщательно выговаривая слова, сказала Лена. – С такой рожей тебя сразу арестуют. Ты меня слышишь? – Она выдрала у него из пальцев баллончик и спрятала в сумку.

– Слышу.

– Бери чемодан. И запомни: если мы сейчас не уйдем как надо, нас посадят. Надолго посадят. Ты ведь не хочешь этого?

– Не хочу, – безучастно ответил Сергей.

– Лицо. Сделай нормальное лицо, – потребовала Лена, прислушиваясь к тому, что происходит в коридоре. После этого она осторожно открыла дверь ключом, выглянула и быстро вышла. – В туалет. Быстро, – прошептала она, и Калистратов наконец покинул злополучную приемную.

Дальше все прошло гладко, как по маслу. Лена заперла дверь, по лестнице они спустились на второй этаж, и Сергей прошел с синим чемоданчиком в нужную кабинку. Он выглянул в окно, увидел Скоробогатова и тихонько свистнул ему. Антон ловко поймал тяжелый чемоданчик, сунул его в сумку и тут же исчез в подворотне, а Сергей с Леной направились к выходу. По дороге им попадались сослуживцы, с некоторыми Лена поздоровалась и даже удачно ответила на шутку начальника одного из отделов.

У стеклянной вертушки Лена пообещала, что скоро вернется. Она нервно хохотнула и объяснила охраннику, что муж чем-то отравился – цвет лица и гримаса у Калистратова вполне соответствовали этому недугу, и сердобольный охранник даже посочувствовал:

– Ничего, на толчке отсидится, все будет нормально.

Пройдя два квартала, Лена впихнула мужа под арку и потащила в глубь двора за трансформаторную будку.

– Пришел в себя? – нервничая, она чуть не разодрала сигаретную пачку пополам.

– Да, – ответил Сергей, всем своим видом утверждая обратное.

– Тогда слушай. – Прикурив, Лена выпустила ему в лицо струю дыма и, озираясь, заговорила: – Раз уж так получилось, сейчас ты возьмешь такси и быстро смотаешься домой за документами. Только очень быстро, пока они не нашли этого... – Лена умышленно не назвала жертву по имени, даже не подозревая, что в основе подобного умолчания лежит языческое табу наших первобытных предков.

– Домой я не поеду, – отстранился от нее Калистратов. – Может, они вперед меня доберутся. И где я потом найду тебя?

– Идиот, сейчас нужно думать о другом! – От возмущения Лена постучала кулаком по стене. – Ты что, совсем ничего не понимаешь?

– Все равно нам нужны другие паспорта, – вдруг осенило Сергея. – С этими нельзя никуда соваться, сразу возьмут. Поехали к Антону. О нем же никто не знает. У него можно даже жить.

– Жить у твоего единственного друга?! – Лена схватилась за голову и в отчаянии зашептала: – Какой же ты дурак! Из-за тебя мы засветились! Теперь из-за тебя нас посадят! Я очень прошу, поезжай пока не поздно. Возьмешь документы, спрячешься у кого-нибудь из новых знакомых. Только не в Москве и не у родственников, потому что искать будут везде. Поживи за городом недели две, а потом я тебя найду.

– Как? – спросил Калистратов, пытаясь отыскать в распоряжении Лены хоть какую-то логику. – Если ты не будешь знать, где я спрячусь, как ты меня найдешь?

– Ровно через две недели утром встречаемся в Серпухове на вокзале, – едва сдерживая раздражение, ответила Лена. – Я буду ждать тебя в восемь утра.

– Почему в Серпухове? – ничего не понимая, спросил Сергей.

– У нас нет времени стоять здесь и болтать, – потеряв терпение, выкрикнула Лена. Затем, испугавшись собственного крика, она посмотрела на окна ближайшего дома и тихо добавила: – Скорее всего, нас уже ищут.

– Подожди, – забеспокоился Калистратов. – Мы договорились встретиться у Антона. Пока они о нем что-то узнают, пройдет неделя. Поехали к нему, заберем свою долю. Мы успеем.

– Тебе не надо туда ехать, – чеканя слова, медленно проговорила Лена, и Сергей впервые почувствовал, как она его ненавидит. – Сам виноват. Из-за тебя у меня больше нет дома. Из-за твоей трусости я должна скрываться. А если тебя поймают, ты сдашь меня на первом же допросе.

– Ты что, совсем сдурела? – испугался Калистратов. – Почему мне не надо...

Сергей заметил скользящее движение руки Лены лишь в самый последний момент. Он инстинктивно отшатнулся, но не додумался отскочить или хотя бы отвернуться. В полуметре от его лица возник злополучный газовый баллончик, и за кратчайший промежуток времени, пока головка баллончика опускалась вниз, Сергей успел задержать дыхание и вскинуть руки. Но газ все же попал в глаза. Увертываясь от второй порции, Калистратов закрутился на месте, жалобно застонал, однако не потерял сознания и даже сумел быстро сообразить, что Лена не отстанет, пока он не упадет. Ей нужно было не ослепить его, а надежно уложить хотя бы на полчаса. Этого времени было достаточно для того, чтобы доехать на такси до Антона, забрать две трети украденных денег и исчезнуть.

Глаза жгло так, словно в них плеснули серной кислоты. По щекам Сергея в два ручья катились слезы, а в голове, будто паровой молот, бухало: «Сволочь! Сволочь! Сволочь!» Калистратов попытался извернуться и лягнуть жену, но сослепу промазал и лишь еще больше разъярил ее. Лена вдруг со всей силой, на какую была способна, ударила его ногой в пах, и Сергей, громко охнув, привалился спиной к стене. От невыносимой боли воздух застрял у него в легких. Он абсолютно ничего не видел и только догадывался, что Лена стоит рядом и готовится его добить.

Между первым и вторым ударами прошло не больше двух секунд, но Калистратову они показались вечностью, и всю эту вечность он с животным ужасом ожидал самого страшного. Задыхаясь от боли, Сергей подумал о собственной смерти, о том, что совершенно не готов к ней, боится ее до обморочного состояния. И когда после чувствительной оплеухи он не удержался на ногах и начал заваливаться на бок, Лена вновь пустила в ход газовый баллончик.

Проваливаясь в черную бездну, Калистратов как сквозь толстое ватное одеяло почувствовал удар в живот, затем еще один, и откуда-то издалека до него донесся едва слышный голос жены:

– Дурак, скажи спасибо...

Очнулся Сергей от того, что кто-то настойчиво тянул его за рукав и нечленораздельно бормотал. Первой его мыслью была: «жив», но глаза невозможно было открыть, легкие саднили так, что дышать приходилось очень маленькими глоточками. Попытка набрать полную грудь воздуха чуть не отправила его на тот свет – в легкие словно воткнули кол, а в голове снова воцарилась обморочная мгла.

Придя в себя во второй раз, Калистратов заплакал от обиды и боли. Он не видел, кто пытается привести его в чувство, но был уверен, что милиция. Эта убежденность основывалась на воспоминаниях о недавних событиях: он убил человека, и, естественно, его пришли арестовывать.

Некто попытался приподнять Сергея и прислонить спиной к стене. Эта небольшая встряска вернула ему слух, и Калистратов наконец разобрал хрипловатый и какой-то веселый голос:

– Мужик... Слышь, мужик, нажрался, что ли? Или стукнули?

– Стукнули, – одними губами ответил Сергей, но некто услышал его и обрадованно в самое ухо гаркнул:

– Чем тебе помочь-то?

– Подожди, – медленно возвращаясь на этот свет, ответил Калистратов. Участие незнакомца, от которого разило перегаром и табаком, придало ему сил. Ему стало ясно, что он все еще на свободе, а память вернула и последнюю сцену расставания с женой. – Друг, – с трудом прохрипел Сергей. – Помоги дойти до подъезда.

– Ты местный, что ли? – спросил благодетель.

– Нет. В любой подъезд. Отсижусь – уйду. Валяться... здесь...

– За что тебя стукнули? – поинтересовался спаситель, просовывая руки Калистратову под мышки. – Деньги, что ли, забрали?

– Кто? – испугался Сергей.

– Они у тебя что забрали?

– Нет, не деньги, – сразу успокоился Калистратов. – Так, старые дела. Газовым баллончиком – не могу глаза открыть.

– Ослеп – это хреново, – посочувствовал незнакомец. – Мне вон тоже недавно зуб выбили и чуть руку не сломали. И я эту падлу собственноручно коньяком поил. Коньяком – понимаешь? В наше время разве такое могло быть? Отмудохать человека, который тебя угощал, – паденье нравов налицо.

Сергей не видел ни подъезда, ни лифта, в котором они поднимались вверх. На последнем этаже словоохотливый спаситель заботливо усадил его на ступеньки, потоптался рядом, многозначительно повздыхал, а затем, решившись, попросил:

– Может, дашь на пузырек? Не в качестве платы за своевременную помощь, нет. Это можешь считать подарком. Я бескорыстно.

– Да-да, – Калистратов начал искать деньги, забыв в какой карман утром положил их. Он помнил, что там одни мелкие купюры и на ощупь отсчитал незнакомцу четыре бумажки. – Хватит? – по привычке подняв незрячие глаза, спросил Сергей.

– Да, хватит, – обрадовался спаситель, принимая сумму, которая явно превышала ожидаемую раз в десять. – Как утопающий из одной лужи утопающему из другой – спасибо. Не ожидал, я бы тебя на руках сюда дотащил. Слушай, друг, а может, вместе дерябнем? Я сбегая. Водочка тебя быстро поставит на ноги.

– Нет, – машинально ответил Калистратов, но тут же с ужасом подумал, что абсолютно не представляет, куда идти, что делать и вообще, как жить дальше. Искать своих подельников в квартире Скоробогатова было бессмысленно – понятно, что они сбежали. Домой возвращаться нельзя. К тому же он чувствовал такую слабость, что самостоятельно не смог бы добраться даже до такси. Из всего бывшего разнообразия вариантов у него остались только «нельзя», да предложение его скромного спасителя, в котором он не без основания угадывал немолодого алкоголика.

– А то пойдем ко мне, возьмем выпить, закусить. У меня и подлечимся, – продолжал искушать незнакомец.

– Пойдем, – решив больше не испытывать судьбу, сразу согласился Сергей. – Только вначале отведи меня к себе. Ты далеко живешь?

– Нет. Минут пять ходьбы. В Волковом переулке. За зоопарком, знаешь? – Благодетель явно был рад тому, что нашел мецената и собутыльника в одном лице. Он тут же кинулся поднимать Калистратова, затем подтащил его к лифту и нажал на кнопку.

До дома добрались быстро. По дороге Сергей чувствовал, как к нему возвращаются силы, он уже самостоятельно неплохо передвигал ноги, но вот с глазами было хуже, и он надеялся, что восстановить зрение ему поможет вода.

Глава 2

Оставив мужа лежать за трансформаторной будкой, Лена быстро дошла до перекрестка, остановила обшарпанный жигуленок и, усевшись на переднее сиденье, назвала свой адрес. У дома Лена попросила водителя подождать, поднялась в квартиру и уже через несколько минут вернулась со спортивной сумкой, в которой был минимум необходимых вещей, носильное золото, деньги и газовый пистолет Сергея, который он купил из баловства, как только появилась такая возможность. Прятал свою игрушку Сергей в секретере за книгами. Понимая, что больше никогда не вернется в эту квартиру, Лена просто сбросила книги на пол, сунула пистолет и коробку с патронами в сумку и на секунду замерла, прикидывая, что еще ей может понадобиться в этот неприятный и опасный промежуток времени между последним посещением дома и предстоящим новосельем где-нибудь в старой доброй Европе.

Даже второпях она не забыла забрать все свои фотокарточки, хотя прекрасно понимала, что на работе в личном деле фотография есть. Но ей не хотелось оставлять семейный архив на разграбление и хоть отчасти облегчать работу милиции или тем, кто будет ее разыскивать.

По дороге к дому Антона Скоробогатова Лена старалась сохранять спокойствие, сидела с непроницаемым лицом и про себя повторяла: «Все будет нормально. Все будет нормально». И все же сквозь это успокоительное заклинание, словно в плохо настроенном приемнике, постоянно прорывался незнакомый грубый голос: «Все, это конец». Лена пыталась бороться с навязанием, забивала страшное пророчество мыслями о деньгах, которые ждали ее у Антона, но получалось неубедительно. Голос нагло прерывал лихорадочное течение ее мыслей и с железной уверенностью неумолимо повторял: «Это конец».

Машины Скоробогатова у дома не оказалось, но это несколько не смутило Лену. Расплатившись с владельцем «жигулей», она вбежала в подъезд, поднялась в лифте на третий этаж и собственным ключом открыла квартиру, в которую последние несколько месяцев приезжала не реже двух раз в неделю.

К ее немалому удивлению, хозяина дома не оказалось. Лена всегда сама убирала жилище Антона, знала, где что хранится, и сейчас была неприятно удивлена странным беспорядком, которого, по ее разумению, не должно было быть. Казалось бы, все лежало на своих местах, и все же у нее создалось впечатление, будто здесь произошло что-то ужасное, обрекающее ее на верную погибель: на столе валялась пустая коробка, в которой Скоробогатов хранил документы; платяной шкаф был раскрыт и там не хватало кое-каких вещей; ящики серванта и комоды были выдвинуты, словно там искали что-то впопыхах. Но самое главное обнаружилось позже. На кухонном столе она нашла тетрадный листок, на котором торопливым почерком было написано: «Ленок, прощай. Этих денег мало даже для двоих, так что, прости. В квартире не задерживайся, она давно продана вместе с барахлом».

После прочтения записки состояние Лены было близко к обморочному. Не желая верить в то, что ее так незамысловато и подло обманули, она несколько раз перечитала послание, заглянула на другую сторону листа, будто ожидая увидеть там коротенькую фразку: «Я пошутил», – и только после этого иступленно скомкала лист бумаги и обессиленно повалилась на стул.

Всего лишь сорок минут назад она имела все, что нужно для нормальной человеческой жизни: жилье, работу, мужа, любовника и в перспективе надеялась женить на себе какого-нибудь удачливого бизнесмена, успевшего поймать свою синюю птицу за хвост и впрячь ее в новенький «мерседес». Благо для этого у нее были все данные: красиво слепленная рыжая головка с кукольным личиком, точеная фигура и завидная женская хватка. Еще полчаса назад она держала в собственных руках небольшой чемоданчик с тисненым вензелем, в котором лежало то же самое плюс абсолютная финансовая независимость. Но, словно в страшном сне,

в одночасье все это вдруг испарилось, и вот сейчас она лишилась последнего – возможности легально жить в своей квартире, городе, стране. Пресловутое разбитое корыто, по сравнению с тем, что она получила, выглядело бы подарком судьбы. Опостылевшая работа в банке и презираемый муж остались где-то там, в безнадежно утерянном прошлом, тогда как она столкнулась с таким чудовищным настоящим, что в пору было намыливать веревку.

Оглушенная и раздавленная, Лена даже не заметила, что плачет. Из этого состояния безысходности ее вывел резкий телефонный звонок. И тут же у нее появилась слабая надежда, что это лишь недоразумение, ошибка или жестокий розыгрыш. Подбегая к телефону, она молила бога, чтобы это оказался Антон Скоробогатов. Одно его имя значило для нее сейчас гораздо больше, чем вся предыдущая жизнь, а сам он начисто утратил человеческие черты и превратился в некий символ возврата к жизни.

Звонок окончательно разочаровал Лену. Новый владелец квартиры на всякий случай поинтересовался, есть ли кто дома и сообщил, что намерен заехать сегодня во второй половине дня и оставить кое-что из вещей. Молча выслушав его, Лена швырнула трубку мимо аппарата и только после этого тихо произнесла:

– Пошел ты в задницу, говнюк!

Далее оставаться в квартире Скоробогатова нельзя было по любым соображениям, но у Лены совершенно не было сил, чтобы покинуть ее. Семейные деньги, которые она забрала из дома, казались в ее положении такими мизерными, что о них неприятно было вспоминать – их хватило бы не более чем на месяц нищенского существования. Что делать дальше, Лена не знала, размышления о будущем доставляли ей физическую боль, а улица, где она вскорости должна была очутиться, пугала ее своей открытостью. Где-то там, вне стен этого дома, за ней уже начиналась настоящая охота, и, думая об этом, Лена явственно ощутила тяжелые запахи несвежего белья и параши.

Мысль о семейной «копилке» пришла не сразу. Предательство Антона и последующие переживания лишили ее возможности рассуждать спокойно и трезво. Но когда Лена достала тоненькую пачку денег и бегло пересчитала их, в памяти неожиданно всплыли три с половиной тысячи долларов.

Лена с Сергеем не принадлежали к числу людей, которые месяц за месяцем с полочки откладывают в чулок на черный день и уж тем более на далекую старость. Одна зарплата у них уходила на необходимое, другая – на развлечения. Но симпатичная идея сделаться рантье в свое время захватила Калистратовых, как и многих других граждан, мечтающих без особого риска и суеты делать свой маленький бизнес на деньгах. А вскоре подвернулся случай: посредничеством Сергей заработал две тысячи долларов, и вся сумма была отдана знакомым под неплохой процент. Спустя полтора года две тысячи превратились в три с половиной, но забрать их можно было, только предупредив благодетелей за неделю.

Вспомнив о «копилке», Лена бросилась к телефону, набрала рабочий номер подруги и от нетерпения заскребла ноготками по столу.

– Алло? – услышала она, и этот спокойный знакомый голос словно вернул ее на полтора часа назад, когда мир вокруг нее еще включал в себя всю палитру цветов и оттенков.

– Тань! – закричала она. – Тань, это я, Лена. Тань, слушай и не перебивай. Понимаешь, я очень сильно влипла. Мне срочно нужны мои деньги. Срочно. Понимаешь? От этого зависит, жить мне или нет.

– Но ты же знаешь, надо за неделю... – послышался растерянный голос подруги.

– Таня, я не могу ждать неделю! Меня убьют! Я не шучу. Я не могу тебе рассказать все по телефону. Танечка, милая, родная моя, ну, попробуй что-нибудь сделать! Мне нужно сегодня.

– Подожди, я спрошу, – после небольшой паузы ответила подруга и положила трубку на стол.

Время тянулось тошнотворно медленно, и пока Татьяна выясняла, можно ли клиенту в порядке исключения забрать деньги сегодня, Лена отдала себе ухо телефонной трубкой и изгрызла нижнюю губу. Она со страхом дожидалась ответа и вслух, шепотом торопила ее:

– Ну, давай же, давай, скорее...

Почему-то только сейчас Лена особенно остро почувствовала, насколько опасно оставаться в этой квартире. Все здесь: стены пол и потолок сделались ей ненавистны, и, чтобы лишний раз не мучить себя, она старалась не смотреть по сторонам.

Наконец подруга снова подняла трубку и тихо, но внятно проговорила:

– Завтра в девять утра привезут деньги. Подъезжай в половине десятого. Только смотри, не опаздывай. – И совсем понизив голос, добавила: – Мне, между прочим, это не за просто так делают.

– Тань, спасибо! – громко, с надрывом поблагодарила Лена. – Я отплачу тебе. Ты даже не представляешь, что для меня сделала. Я завтра буду. Извини, больше не могу говорить.

Из квартиры Скоробогатова Лена вышла уже не такой отчаявшейся, какой была до разговора с подругой. Ощущение полной безнадежности несколько притупилось, появились какие-то размытые планы, которые роились в голове словно насекомые, мешая друг другу оформиться во что-то конкретное. На улице к этому сумбуру добавились маниакальный страх и подозрительность. В каждом прохожем, в любом проезжающем автомобиле Лена видела тех самых страшных людей, которые будут разыскивать или уже разыскивали ее. Разгулявшееся воображение отчетливо рисовало ей, как однажды они появятся, бросят ее в машину и навсегда увезут из этой знакомой жизни в другую, думать о которой было невыносимо страшно.

Пробежав сгоряча метров четыреста, Лена от усталости едва не повалилась на раскаленный асфальт. Только сейчас она заметила, какая на улице жара, и поняла, что с тяжелой сумкой такой темп долго не выдержит. Кроме того, она вдруг открыла для себя, что бежит не целенаправленно, не куда-то и не к кому-то, а просто убегает подальше от дома Антона. И тут же на нее свалилась та самая проблема, от которой она мысленно отбивалась последние полчаса: куда идти? Этот сволочный вопрос словно вышиб у нее из-под ног почву. Лена привалилась к стене, с отчаянием на лице окинула взглядом рыжую от солнца, задымленную улицу, грязные с подтеками дома, и ей захотелось зажмуриться, а лучше – раствориться в воздухе, потому что все окружающее ее пространство и предметы источали смертельную угрозу. В голове у Лены замелькали какие-то фамилии, адреса, номера телефонов. Она в панике начала перебирать в уме школьных друзей, родственников и знакомых, но каждый раз сама же и отвечала себе одним и тем же словом: «Нельзя! Нельзя! Нельзя!»

Наконец сообразив, что здесь она ничего не придумает, Лена попыталась взять себя в руки. Стараясь соблюдать хотя бы внешнее спокойствие, она добралась до ближайшего ларька, купила пачку сигарет, хотя не курила уже больше двух месяцев и, подумав, банку крепкого пива.

Лысый безжизненный дворик, куда занесло Лену, напоминал недавно покинутую стоянку древнего человека, дорвавшегося до всевозможных благ цивилизации: кругом валялись жестянки из-под пива, бутылки и обрывки газет. В воздухе стоял крепкий до осязаемости запах тухлой рыбы, который сохранялся здесь даже в ветреную погоду. Два полупьяных грузчика бодро сновали с картонными коробками между микроавтобусом и открытым складским люком. За их работой наблюдал пожилой усатый кавказец в кожаной куртке, который, впрочем, делал вид, что не имеет к алкоголикам и коробкам никакого отношения. А грузчики безыскусно подшучивали друг над другом, смачно матерились, и за всем этим возбужденным трепом определенно проглядывало ожидание и надежда на скорое продолжение прерванного праздника.

Лена вошла в загаженный подъезд, с отвращением втянула через нос воздух и поспешила подняться на второй этаж. Эта часть жилого дома явно использовалась местными алкоголи-

ками и приезжими мелкими коммерсантами не по назначению. Пахло мочой и настоянными на ней же окурками.

Как это не странно, но именно здесь, в этом жалком, опущенном до состояния сельского сортира, месте Лена почувствовала себя в относительной безопасности. Она наконец смогла расслабиться, взглянула на часы и посчитала, что с того самого рокового момента, когда они с Сергеем покинули банк, прошло чуть больше часа. Из-за этого безобидного открытия с ней едва не случилась истерика: семьдесят две минуты показались ей более чем половиной жизни. Они заключали в себе такое количество острых ощущений и разочарований, что ее рассчитанная на спокойную жизнь психика не выдерживала. Лена снова расплакалась, лишь с третьей попытки открыла жестянку и лихо запрокинула голову.

Пиво оказалось почти горячим, и Лена очень скоро ощутила его благотворное успокоительное действие. Она опорожнила полулитровую банку крупными глотками в два приема и тут же закурила, пожалев, что не догадалась взять две, а то и три банки. Ей вдруг ужасно захотелось напиться до бесчувственного состояния, а затем уснуть и никогда больше не просыпаться, потому что пробуждение не сулило ничего хорошего. Одна жизнь для нее навсегда закончилась, другая, о которой она мечтала, так и не началась, а третья, неизведанная и жуткая, как сама смерть, была ей не нужна.

Она понимала, что надо на что-то решаться, потому что бездействие рождало невыносимые мысли о безысходности, страшило ее тем кошмаром, который она пережила в первые минуты, когда поняла, что ее предали.

Достав из сумочки записную книжку, Лена наугад раскрыла ее и увидела телефон знакомого с необычной фамилией Буздырь.

С Николаем Буздырем, тридцативосьмилетним холостяком и любителем долгих застолий, Лена познакомилась больше двух лет назад. Это произошло в ресторане «Буревестник» у Киевского вокзала, куда они случайно забрели с Сергеем, Антоном и его девочкой в поисках выпивки и приключений. Напились они тогда изрядно, плясали со слепым скрипачом под его же скрипочку, а когда Лена вышла в туалет, высокий толстый Буздырь остановил ее в коридоре, прижал животом к стене и лениво ощупал, будто проверяя на мясистость. Лена не возражала и не сопротивлялась. Она лишь кивнула в сторону зала и, поведя бровями, коротко пояснила:

– Муж.

– Обьелся груш, – пошутил Николай и положил Лене в разрез блузки, очевидно, заранее приготовленный листок бумаги. – Позвони если что. Это домашний. А так я почти всегда здесь. Со мной не соскучишься.

– Позвоню, – с пьяным кокетством пообещала Лена и действительно через неделю не только позвонила, но и навестила нового знакомого – веселого администратора ресторана.

С тех пор Лена не менее десятка раз приезжала к Буздырю в «Буревестник», затем он скоропостижно женился, но семейная жизнь с такой же свободолобивой женой не вытанцовывалась и, хотя они жили вместе, друг другу старались не мешать.

То, что записная книжка открылась именно на этой странице, выглядело как подсказка судьбы, и Лена сразу, не раздумывая, решила попросить помощи у Николая. По дороге она взяла еще одну банку пива и, пока добиралась до Киевского вокзала, успела выпить ее и даже немного подремать.

Буздырь не только оказался в «Буревестнике», но и мучился от тяжелого похмелья. Он уже две недели как находился в отпуске, но приехал на деловую встречу с каким-то киевским гонцом, за пятнадцать минут отстрелялся, выпил с ним рюмку коньяку за успех общего предприятия и выпроводил гостя, чтобы тот случайно не застрял в ресторане на сутки и более. От встречи с киевлянином в кармане пиджака у Николая образовалась приличная сумма. Настроение у Буздыря сразу улучшилось, а рюмка коньяка довершила дело – лицо у администратора ресторана сделалось добродушным, а голос мягким и проникновенным.

Лена появилась в его кабинете как раз в момент расставания с киевским гостем и своим приходом положила конец встрече. Гонец быстро распрощался и ушел, а Николай по своему обыкновению облапил ее и предложил выпить.

– Я сильно влипла, Коля, – умоляюще глядя на него снизу вверх, проговорила Лена, но Буздырь, видно не желая омрачать так хорошо начавшийся день, только рассмеялся:

– Забеременела, что ли?

– Если бы... – Она с опозданием начала соображать, говорить или не говорить Николаю об ограблении. Пожалела, что заранее не приготовила правдоподобную легенду, но времени на раздумывание не было, и Лена попросту расплакалась.

– Давай вначале выпьем. – Буздырь насильно усадил Лену за письменный стол, разлил коньяк по рюмкам и одну из них вставил ей в руку. – Хватит реветь. Пей, а то разговора не получится. Терпеть не могу, когда бабы сопли распускают.

– Мы с Сергеем и Антоном стащили миллион баксов, – размазывая тыльной стороной ладони слезы, начала Лена. У Николая от этих слов лицо сразу сделалось серьезным, а в глазах попеременно замелькало недоверие и уважительное внимание. Он тут же расположился на противоположной стороне стола, налил себе еще коньяку, залпом выпил и переспросил:

– Что вы с Сергеем и Антоном стащили?

– Миллион баксов, – повторила Лена и, отпив из рюмки, пересказала основную часть истории, опустив при этом два, на ее взгляд, самых щекотливых эпизода.

– Так он что, вас кинул? – дождавшись окончания рассказа, спросил протрезвевший Буздырь.

– Он меня бросил как последняя тварь! – распалившись, ответила Лена. Нетвердой рукой она сама наполнила свою рюмку и продолжила: – Я не знаю, где он. Едет сейчас куда-нибудь с чемоданом денег, а я все... У меня ничего нет. У меня даже дома нет. Этот козел, Сергей, завалил все дело. Пока он, сволочь, телился, пришел этот... заместитель директора. Пришлось его...

– Замочили?! – не веря своим ушам, воскликнул Николай.

– Не знаю, – жалобно простионала Лена. – Он так... так сильно корчился. Может, и умер.

– А где муж-то? – спросил Буздырь.

– Понятия не имею, – изменившимся голосом с неприязнью произнесла Лена. – Мы разбежались, договорились потом встретиться. А чего теперь встречаться? На кой он мне нужен?

Некоторое время оба молчали. Рассказывая, Лена по второму разу пережила все случившееся, но уже без трезвого беспросветного трагизма. Николай же никак не мог придумать, что делать с этой опасно засвеченной гостьей. С одной стороны, ему хотелось провести с ней вечер и ночь, с другой – непонятно было, чем эта встреча закончится: возьмут ее, достанется и ему, и неизвестно, кому больше.

– Не ожидал, Ленок. От тебя не ожидал, – несколько ошарашенно проговорил Буздырь. Он выпил еще рюмку коньяка, пососал ломтик лимона и с отсутствующим видом промолвил: – Трудно его будет найти. Вы договаривались через Турцию?

– Через Турцию или Финляндию, – пьяно ответила Лена.

– Значит, через Китай пойдет... А может и через Владивосток в Японию. Хорошо бы его отыскать, – мечтательно глядя в зарешеченное окно, сказал Буздырь.

– Найдешь, деньги пополам, – внезапно оживилась Лена и, икнув, прикрыла рот ладонью.

– Ух ты моя сладкая! – рассмеялся Николай. – Не беспокойся, Ленок, поделим. Фотография его есть?

– Нет. С собой нет. – Лена покопалась в сумочке, достала ключи от квартиры Скоробогатова и бросила на стол. – У него дома должны быть. Только я туда не поеду.

– Естественно, – усмехнулся Буздырь. – Ну иди, поспи на диванчике. Вечером посидим в зале. Не бойся, твои знакомые сюда редко заявляются. А потом поедем на одну квартиру, кореш по европам гуляет, а ключи мне оставил – цветы поливать.

Николай помог Лене добраться до комнаты отдыха, уложил ее на диван и прикрыл пледом.

– Спасибо, Коля, – размазывая пьяные, черные от туши слезы, проговорила Лена. – Ты настоящий мужик. Я не знаю... что бы я делала. Куда идти? Все к черту... Вся жизнь...

– Спи, я тебя разбужу.

Лена закрыла глаза и мгновенно уснула глубоким сном.

Проснулась она сама, и не от шума или какого другого раздражителя, а от ужаса. Ей приснился кошмар, в котором участвовали все те же Антон, Сергей и некоторые банковские служащие, но сюжет был совершенно иным: Лена лежала привязанная к кушетке, а они по очереди насиловали ее и били чем попало по лицу. Особенно старались Сергей и Александр Гаврилович, которые тыкали в нее кухонными ножами и рвали на ней волосы. Лена пыталась звать на помощь, но у нее ничего не получалось, и только открыв глаза, она наконец услышала свой голос, потому что пробудилась от собственного крика.

Возвращение к действительности принесло облегчение только на несколько секунд, пока Лена не вспомнила, как она оказалась в ресторане у Буздыря. Спустив ноги на пол, она обхватила голову руками и, раскачиваясь словно правоверный мусульманин во время намаза, завывала в голос. За этим печальным занятием ее и застал вернувшийся Николай.

– Все горюешь? – бодро спросил он. – Ничего, Леноч, пробьемся. Бог даст, мы твоего красавчика отыщем. Вряд ли он полезет через горы, а на пропускном пункте его наши люди аккуратненько так, без лишнего шума возьмут.

– Да, – перестав плакать, хриплым со сна голосом сказала Лена. – Только меня к тому времени уже загребут и посадят за решетку.

– Да брось ты, спрячем мы тебя. Отсидишься, документы сделаем, и уедешь ты в теплые страны клеить миллионеров из высокоразвитых капиталистических государств. А пока давай-ка умойся. – Он взял ее за плечи, поднял с дивана и подвел к настенному зеркалу. – Посмотри на свой фейс. Теперь понятно, почему тебя твой Ромео кинул? – Буздырь расхохотался собственной шутке, а Лена взглянула на свое отражение и увидела жалкое взъерошенное создание с чумазым, как у Золушки в начале ее карьеры, лицом.

– Боже мой, где моя сумка? – закрывшись ладонями, воскликнула она.

– Наводи марафет, я через пятнадцать минут за тобой зайду, – распорядился Николай и оставил ее одну.

На восстановление красоты Лена потратила больше часа, но Буздырь не торопил гостью. Заходя, он лишь снисходительно посмеивался, хлопал ее по попке и удалялся по своим делам. Спокойная уверенность Буздыря и привычное занятие макияжем умиротворили Лену настолько, что утренняя трагедия показалась ей пригрезившейся, и из комнаты отдыха она удалилась с чуть виноватой улыбкой, которая очень ей шла.

В зал Лена вошла не сразу. Она остановилась в дверях и довольно долго разглядывала посетителей. Все они, за исключением знакомых официантов, выглядели подозрительно: и те, которые пришли сюда в костюмах и галстуках, и особенно публика в джинсах или мятых брюках. Незаметно для себя Лена принялась изучать интерьер зала. Она бывала здесь много раз, но редко обращала внимание на убранство ресторана и только сейчас заметила, что «Буревестник» за последние два года довольно сильно устарел и как-то обветшал. Его безвкусная имперская вычурность с несмываемым клеймом общепита сразу бросалась в глаза и вызывала не ностальгию по ушедшим временам, а музейное удивление – неужели же такое было? Правда, за тот же отрезок времени Лена побывала в нескольких новых ресторанах, которые были отделаны в современном европейском стиле с непременным российским перебором. Возможно,

поэтому, на фоне уютных закутков по-европейски «Буревестник» выглядел, как спившийся, но не потерявший достоинства актер в кругу своих более молодых собратьев.

Николай усадил Лену в самый угол, спиной к залу, а сам пошел отдавать какие-то распоряжения официантам. Начальный этап ресторанных игрищ ему никогда не нравился – оркестр разминался, посетители только приступали к трапезе, и в воздухе господствовали звон вилок да треньканье посуды.

До пятой рюмки Буздырь, как правило, был вялым, мало говорил и рассеянно шарил взглядом по залу в поисках знакомых или просто чего-нибудь необычного. Он ждал праздничного настроения, лепил его как снежную бабу, а затем всецело отдавался ему. Но сегодня был особенный день. Рассказ Лены отбил у Николая охоту напиваться, он постоянно уходил к себе в кабинет, с кем-то созванивался, а потому его подруга большую часть вечера провела одна.

Самое интересное в «Буревестнике» начиналось лишь после восьми вечера, когда посреди зала начинались традиционные оргические пляски. Вкусившие дионисовых прелестей посетители забывали о том, сколько они намеревались истратить на культурный отдых, и прокуренный ресторанный воздух оглашался шампанской канонадой. Оглушительная музыка заставляла говорить всех на повышенных тонах, мужская половина зала все чаще под столами пускала в ход руки, а женская, раздумываясь, млела над тарелками или отчаянно отплясывала под неумирающую «Калинку» и «Миллионы алых роз».

Стол Буздырь организовал более чем приличный: с букетом садовых ромашек, шампанским и двумя мельхиоровыми вазами с красной и черной икрой. В течение нескольких минут он опрокинул в себя три большие рюмки финской водки, с аппетитом закусил кричаще-красной чавычей и нежнейшим салатом из лобстеров, и только после этого проявил интерес к своей даме.

– Подкрепись, Ленок, а то развезет, – посоветовал он, разливая водку по рюмкам. – Вся жизнь проходит в ресторане. Работаю здесь, гуляю здесь, баб трахаю здесь. Наверное, и помирать здесь придется, – медленно проговорил он с некоторой неприсущей ему грустью. – Привык. У себя в квартире просыпаюсь и не узнаю стен. Как в гостинице. У меня там даже тапочек нет, сюда привез. Думал, женюсь, буду гостей домой приглашать...

– А у меня теперь и дома нет, – подперев голову кулаком, равнодушно сказала Лена. – И неизвестно, будет ли.

– Будет, Ленок. Казенный или свой – обязательно будет. Давай вмажем, а то меня что-то на философию потянуло, а нам с тобой философствовать вредно. Можно головы потерять.

После второй рюмки Лена почувствовала, как оттаивает. Вкусная еда всегда на нее действовала расслабляюще, а водка возбуждала и делала рискованно компанейской.

– Пойдем потанцуем, – без всякой надежды предложила она, точно зная, что Николай откажется.

– Иди, танцуй, а я пока к своим загляну, – вставая, ответил Буздырь. – Гуляй, Ленок. Веселись. Я тебя потом заберу. Иди, дай жару этим засранцам.

В этот вечер Лена отплясывала так, будто навсегда прощалась с молодостью, страной, где эта молодость прошла, или жизнью. Обманутые ее раскованностью, к ней подсаживались разновозрастные ловеласы с шампанским и водкой, ананасами и осетриной, чего было достаточно и на ее столе. Пьяные командировочные, удачливые коробейники, подающие надежды, молодые аль капоне, мистеры иксы, не достигшие статуса новых русских, а потому ищущие лекарство от меланхолии в ресторанах – все они по очереди потянулись к столику одинокой красавицы, и с каждым Лена сплясала хоть полтанца, а с некоторыми даже и выпила.

В этот вечер ей два раза предлагали руку и сердце, раз пять звали прокатиться к морю в качестве подруги и несчетное количество раз откровенно или менее откровенно намекали на койку в разных районах необъятной столицы. В ответ на все приглашения и щедрые посулы Лена хохотала, делала губки бантиком и томно говорила:

– Я подумаю.

За весь вечер Николай возвращался к столику всего дважды. Он убеждался, что его подружка на месте, и снова уходил к себе в кабинет звонить по телефону. Чувствуя себя покинутой, Лена тем не менее не скучала. А где-то ближе к полуночи, когда гуляния достигли наивысшего накала, из-за нее случилась драка. Один из кавалеров, молодой и с бабочкой под подбородком, настойчивый как покоритель Эвереста, устроился за столиком напротив Лены и попытался влить в нее как можно больше водки. Он по-хозяйски наполнил фужер, вставил ей в руку и, улыбаясь, принялся объяснять, что ничего страшного не произойдет. Просто ей станет еще веселее. Но в этот самый неподходящий момент, когда Лена уже поддавалась на уговоры, а ухажер, празднуя победу, жадно наблюдал, как она отпивает, к столику подошел претендент постарше с явными признаками несправедливой жизни на лице. Подошедший не стал извиняться перед желторотым соперником, полагая, что у того ровно столько же прав на рыжую красавицу, сколько и у каждого сидящего в ресторанном зале. Он предложил Лене потанцевать, галантно протянул ей руку, и Лена охотно приняла предложение. Она поставила фужер и выпорхнула из-за стола на середину зала, оставив ухажера скрипеть молодыми крепкими зубами.

Когда песня закончилась и Лена вернулась за свой столик, к ее удовольствию кавалера с бабочкой там уже не было. Она увидела его идущим плечом к плечу со своим более зрелым конкурентом, который представился Валентином и весь танец ощупывал Лену, а заодно пытался выяснить, сколько стоит ее красивое молодое тело. Соперники твердой мужской походкой направлялись к выходу, но не утерпели и до дверей не дошли. Они вдруг отскочили друг от друга, молодой в бабочке неудачно продемонстрировал знание приемов карате, старший – принял боксерскую стойку, но вскоре оба перешли на обычную махаловку. И у того и у другого в зале оказались друзья, и через минуту половина посетителей ресторана была вовлечена в побоище.

Дрались по-животному жестоко, словно от каждого удара зависела жизнь всего человечества. Нокаутированные, истекая кровью, валялись здесь же, под ногами, и их топтали уже не как смертельных врагов, а из-за тесноты. Те, кто был в состоянии, отползали в сторону, но встав на четвереньки, они как бы снова становились опасными противниками, и таких старались добивать.

Из-за духоты и табачного дыма окна были открыты, женский визг доносился даже до подземного перехода станции метро «Киевская», а потому охранники порядка появились на удивление быстро. Но дерущиеся действовали еще быстрее, и к приходу сразу четырех милиционеров на полу без движения лежало столько же самых нерасторопных бойцов. Вычислить остальных не составляло никакого труда – по кровавым следам на лицах и разодранным сорочкам – ни один из них не вышел из драки без потерь.

Будзырь выскочил из служебки до появления милиции, в самый разгар побоища. Он вытащил Лену из-за стола и быстро увел из зала. Она вяло сопротивлялась, бессвязно рассказывала, кто, кого и за что бьет, и требовала продолжения банкета.

– Так это из-за тебя? – удивился Николай.

– Из-за меня, – кокетничая, ответила Лена.

– Сама в петлю лезешь, Ленок. Тебе сейчас нужно быть тише воды ниже травы. Это хорошо, если тебя менты возьмут...

– Да, очень хорошо, – перебила его Лена.

– Во всяком случае, жива останешься, – заталкивая ее в узкий коридорчик, продолжил Будзырь. – Но, если деньги левые, они сами будут искать, и тогда из тебя душу вынут.

– Пусть вынимают, – пьяно отмахнулась Лена. – У меня уже вынимать нечего.

– Они найдут что, – невесело усмехнулся Николай, а Лена неожиданно извернулась, проскочила у него под рукой и попыталась вернуться в зал.

– Дура, там милиция, – не трогаясь с места, тихо сказал Будзырь.

При слове «милиция» Лена все же остановилась, наморщила лоб и капризно проговорила:

- А как же шампанское?... Коль, принеси чего-нибудь выпить. Весь стол там остался.
- Иди в служебку, сейчас принесу. А через полчаса поедем домой.

Дождаясь вина, Лена незаметно для себя уснула на диване, а через обещанный промежуток времени Николай действительно появился с сумкой, из которой торчали серебряные горлышки бутылок, свертки с закусками и пучок зелени. Прихватив вещи Лены, он вывел ее через служебный вход на улицу, усадил в свой выдавший виды «опель-кадет» и на некоторое время снова исчез.

Буздырь вернулся не один. С ним были уже известный Лене официант Леша – хрупкий тридцатилетний блондин с игривыми глазами – и какой-то человек лет сорока пяти – здоровый как бык, в мягком кожаном пиджаке, который так обтягивал его необъятное туловище, что, казалось, пиджак вот-вот лопнет. Николай прямо через раскрытое окошко представил Лене своего знакомого:

– Ленок, это Владимир Алексеевич – большой, хороший человек. Его обязательно надо любить и жаловать.

- А еще холить и лелеять, – густым басом произнес здоровяк.

Балагурия, они забрались в машину, причем Владимир Алексеевич подвинул Лену, сразу же облапил ее обеими руками и прижал к себе так, что у нее затрещали кости.

- Уйди ты, черт! – закричала Лена, пытаясь высвободиться из удушающих объятий.

– Какая хорошая телочка, – с пьяным хохотом проговорил Владимир Алексеевич и с удовольствием добавил: – Я очень люблю миниатюрных. Дружить будем?

– Тебе со слонихами надо дружить или с коровами. – Лена поморщилась от боли, повела плечами и отодвинулась подальше от опасного соседа.

– Ну, если на «ты» перешла, значит, будем, – сам себе ответил Владимир Алексеевич. – Ты уже моя.

- Как же, дождешься, – обиженно выпалила Лена и уткнулась лицом в окно.

Квартира, куда они приехали, оказалась большой, чрезмерно набитой дорогой мебелью, но какой-то нежилой, словно ее только готовили для въезда хозяев. Вещи были подобраны по одному принципу – дорого – без учета взаимной совместимости и располагались как попало. Только в самой большой комнате можно было разглядеть хоть какой-то порядок. Сюда, очевидно, наведывались для таких вот посиделок с ночевками, о чем говорили гора грязной посуды в раковине на кухне и скомканное постельное белье в одной из спален.

Компания устроилась на огромном угловом диване за стеклянным столом в матовых кругах от стаканов и рюмок. Тут же был включен телевизор, и Владимир Алексеевич поставил фильм – эротический боевик с японскими субтитрами. Пока он занимался видеоманитофоном, Буздырь с Лешей выгрузили из сумок привезенные продукты и бутылки с вином. Здесь же они поломали хлеб, разложили по тарелкам уже нарезанные закуски и приступили к поздней трапезе, которая, в сущности, была продолжением ужина, начатого в ресторане.

Говорили о ерунде, в основном обсуждали события, происходящие на экране. Как только там появлялась обнаженная красавица, Владимир Алексеевич начинал хохотать, тыкать пальцем в телевизор и хватать свою соседку за коленки.

- Смотри, смотри, – громко восклицал он. – Ка-кая хорошая телочка. Но ты лучше.

Поначалу Лена отбивалась от него, просила у Николая защиты, но тот лишь посмеивался и уверял ее, что его друг – человек во всех отношениях замечательный и очень нужный. А после двух полных фужеров шампанского она окончательно опьянела, и ее стало клонить в сон. Лена заваливалась то на одного соседа, то на другого, и в конце концов Владимир Алексеевич легко взял ее на руки и под шутки сотрапезников унес в соседнюю комнату.

Такой тяжелой ночи у Лены не было никогда в жизни. Вначале ее бесконечно долго и грубо, словно резиновую куклу, насиловал Владимир Алексеевич. Он ее ворочал как бревно, забрасывал на себя, складывал пополам и наваливался чугунным пузом. Он даже не пыхтел, а рычал по-звериному, кусал ее за шею и плечи и мял сильными толстыми пальцами будто хлебный мякиш. Лена пыталась сопротивляться и даже звать на помощь Буздыря, но Владимир Алексеевич объяснил, что это бесполезно. Тогда, чтобы поскорее удовлетворить страшного любовника и избавиться от него, она сделалась послушной, и все равно это «поскорее» вылилось часа в полтора.

Ничего не соображая от выпитого и усталости, Лена наконец начала засыпать, но вскоре почувствовала, что кто-то очень мягко и осторожно пристраивается рядом. На этот раз все было куда более деликатно. Как ей показалось, Леша, ласково оглаживал ее, целовал в шею и плечи, а главное, почти не мешал лежать на боку.

– Тихо-тихо-тихо, – горячо шептал он Лене на ухо.

– Не таракти, – попросила она. – Я спать хочу.

Под утро, когда на востоке горизонт залило розоватым светом, а где-то в соседнем доме на балконе прокричал петух, появился Николай. Лена уже почти ничего не чувствовала и ни на какие слова не откликнулась, но ее дружок появился здесь не для общения. Он бесцеремонно перевернул ее на спину, быстро, по-деловому справил свою нужду и, отвернувшись к стене, захрапел.

Проснувшись Лена в начале одиннадцатого утра. Тело болело так, будто по ней всю ночь ездил асфальтовый каток. В животе от малейшего движения начинала пульсировать острая боль, а ноги трудно было согнуть в коленях. Не лучше обстояло дело и с головой – она словно была наполнена раскаленным оловом, которое плескалось в черепной коробке и своей огромной тяжестью приковывало голову к подушке.

Открыв глаза, Лена обнаружила, что лежит на огромной двуспальной кровати в незнакомой комнате. Рядом, раскинув руки, спал Буздырь, и из уголка его рта на подушку стекала струйка густой желтоватой слюны. От этого неаппетитного зрелища Лену едва не стошнило, и она со стоном отвернулась.

Взглянув на антикварные бронзовые часы, которые, скорее всего, когда-то украшали каминную полку, Лена сразу же вспомнила, что в половине десятого подруга обещала отдать ей деньги – три с половиной тысячи долларов. Вслед за этим она восстановила в памяти и все остальное. Но до конца осознать, что произошло с ней за последние сутки, Лене мешала физическая боль и приступы тошноты. Она еще раз громко застонала и попыталась подняться, а Николай перевернулся на другой бок и что-то негромко пробормотал.

Заставить себя умыться Лена смогла только после того, как нашла в соседней комнате ополовиненную бутылку шампанского. Выпив залпом большой фужер, она наконец осмотрелась. На диване у стеклянного столика в позе эмбриона почивал Владимир Алексеевич. Он лежал в розовых сатиновых трусах, и вид этого жирного неутолимого любовника вызвал у нее приступ ненависти и непреодолимое желание врезать ему бутылкой по голове. От этого поступка ее удержало только то, что ей надо было срочно ехать за деньгами, и Лена ограничилась символическим плювком в сторону насильника.

После долгих бестолковых метаний по чужой квартире Лена наконец собралась. Остановившись у входной двери, она задумалась, что делать с вещами: взять ли сумку с собой или оставить здесь, а потом забрать у Буздыря? То, что Николай пустил ее по рукам, даже спящую казалось ей наиподлейшим предательством, но он слишком много знал, занимался поисками денег, и эта повязанность мучила ее. Причину, почему он так поступил, Лена прекрасно понимала – включив Буздыря в игру, она попала в полную зависимость от него.

Сумку Лена все же решила бросить здесь и лишь достала оттуда документы. Затем она долго возилась со сложным сейфовым замком. При этом Лена старалась не шуметь, чтобы не

объяснять Николаю и его приятелям, куда она собралась. Наконец ей удалось открыть дверь, и, тихонько прикрыв ее за собой, она с облегчением вздохнула.

На улице Лена посмотрела название переулка, номер дома и только после этого начала ловить машину.

До Товарищеского переулка, где в частной фирме работала Татьяна, Лена добралась за какие-нибудь десять минут. Она попросила таксиста немного подождать, вбежала в замызганный подъезд и позвонила в дверь, которая своей отделкой резко контрастировала с разрисованными грязными стенами и заплеванным полом.

Ей открыл пожилой, но подтянутый охранник в камуфляжной форме. По просьбе Лены он по телефону вызвал подругу, и уже через минуту Татьяна вышла.

– Ну и видик у тебя, – поздоровавшись, сказала Таня. – Все в порядке. Я только что отдала деньги Сереже.

– Что?! – испуганным шепотом промолвила Лена.

– Сергей пришел и забрал деньги, – пожав плечами, ответила подруга. – А что... не надо было? Вы что, не вместе?

– Это конец, – одними губами проговорила Лена и, чтобы не упасть, прислонилась спиной к стене. – Это конец!

Глава 3

В ночь перед операцией Антон Скоробогатов не ложился спать до трех часов. Ему не свойственно было подолгу ломать голову над какими-то проблемами, но сегодня был особый случай. В его воображении миллион долларов плохо делился на две части, как они договорились с Леной. Кроме того, он не без основания считал, что жена друга и его любовница будет для него только обузой. При переходе через границу с такими деньгами риск возрастал вдвое – у работников на пропускном пункте глаз был наметан. Едва заметив на лице проезжающего малейшую тревогу, пограничные психологи тут же вставляли в охотничью стойку и вверх дном переворачивали машину. Но главной причиной было даже не это. Лена со своим капризным взбалмошным характером уже порядком поднадоела ему, Антон давно подумывал от нее избавиться, а с некоторых пор он начал презирать свою любовницу. Скоробогатову вдруг пришло в голову, что если она так легко изменила своему мужу, то через какое-то время ей ничто не помешает предать и его.

В тот самый день, когда Антону предложили триста тридцать три тысячи долларов за пустяшную помощь, он встретился со своим давним знакомым, который занимался куплей-продажей жилья, и поинтересовался, как много уйдет времени на то, чтобы продать квартиру.

– Два дня, – ответил приятель.

– А если у меня обломится, назад можно будет? Сразу, в этот же день? – спросил Скоробогатов.

– Нет проблем, – успокоил его знакомый. – Пятьсот баксов – я порву бумаги и живи дальше.

Риск был небольшой, и после того, как Антон обговорил детали операции с Сергеем и Леной, он решился. Отправив Сергея в магазин за выпивкой, он остался наедине со своей любовницей и то ли в шутку, то ли всерьез, улыбаясь, проговорил:

– А зачем нам Серега? Полмиллиона лучше, чем триста тридцать три тысячи долларов тридцать три цента.

Лена вначале посмотрела на него удивленно, затем – испытующе, и в ее взгляде Скоробогатов прочел немой вопрос: «Ты серьезно?»

– Он передаст деньги мне, потом ты пораньше свалишь с работы, и в этот же вечер мы уедем с тобой куда Макар телят не гонял. А там, за бугром, хочешь, свое дело заведешь, хочешь, сложимся и на пару купим какой-нибудь ресторан или магазин, – пояснил свой план Антон.

– А если он заложит? – наконец вслух высказалась Лена.

– Зачем же ему голову под топор класть? Бабки левые, здесь не отсидкой пахнет. У этих мужиков разговор короткий: раз – и башка с плеч. Главное, все должен сделать Серега. Ты же сама говорила, что собираешься с ним разводиться.

Времени на обсуждение, как украсть миллион и избавиться от надоевшего мужа, у них было не так много – магазин находился всего в ста метрах от подъезда – и Лена сильно разволновалась.

– Я не знаю... – Она нервно мяла в руках кухонное полотенце и затем еще раз изучающе взглянула на Скоробогатова: разыгрывает или нет и как далеко готов зайти? – А если он за мной увяжется? – тихо спросила она, пытаясь угадать, какой получит ответ.

– Ты постарайся, чтобы не увязался. – Антон усмехнулся и добавил: – Ну а увяжется, ему же хуже.

– Он все-таки мне муж, – произнесла Лена, интонационно давая любовнику понять, что слово «муж» она употребила лишь по необходимости и не вкладывает в него никакого конкретного смысла.

– То он тебе муж, то дурак и козел. Ты сама-то разберись, чего хочешь, – с легким раздражением ответил Скоробогатов.

Разговор длился не больше пятнадцати минут, и все это время партнеры говорили о Сергее и его судьбе туманными намеками, очевидно, следуя поговорке: «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь». Обоим не хотелось ставить окончательную точку, связывая себя какими бы то ни было обязательствами. Неопределенность в этом щекотливом вопросе давала свободу действия, некий простор, позволяющий поступать по обстоятельствам, и, что самое важное, сохранялся душевный комфорт: никто ничего не собирается делать плохого, но если... Впрочем, это зловещее «если» только подразумевалось.

Ложась спать, Антон раскаялся в том, что так бездумно посвятил Лене в свой план и предложил ей бежать. Окончательно раскусив ее, Скоробогатов понял, что эта красивая девушка, которой он когда-то помогал из зависти к бывшему однокласснику, не очень-то соответствует его идеалу. При ближайшем рассмотрении Лена оказалась «своим парнем», изобретательной любовницей, но была слишком земной и понятной. Вокруг него таких крутилось не менее десятка, тогда как воображение рисовало ему прекрасную и загадочную незнакомку. Миллион долларов, которые ему должны были утром выбросить из окна, приближали мечту о знакомке на расстояние одного шага, и ему оставалось лишь сделать этот шаг.

Утром Антон припарковал машину метрах в трехстах от банка, на соседней улице. Он не торопился, зная, что все произойдет минимум через полчаса, а по максимуму ожидание могло продлиться до конца рабочего дня. Скоробогатов немного нервничал, курил одну сигарету за другой и с раздражением думал о Лене.

К назначенному времени Антон дворами прошел к банку и, чтобы не привлекать внимания прохожих, заскочил в подъезд жилого дома, как раз напротив нужного окна. Жильцов он совершенно не опасался, справедливо рассудив, что, даже если кто-то потом и станет их опрашивать, он к тому времени будет уже далеко.

Ждать пришлось чуть больше часа. Скоробогатов увидел, как на втором этаже открывается фрамуга, выскочил из подъезда и, пригнув голову, чтобы из окон нельзя было разглядеть лица, прошмыгнул под окна. Затем появилась голова Сергея, и вслед за этим вниз полетел синий чемоданчик, который он успел подхватить у самой земли. Далее Антон действовал совершенно механически: твердым шагом дошел до машины, небрежно бросил сумку с чемоданчиком на заднее сиденье, сел за руль и, стараясь не нарушать правил, доехал до дома.

У себя в квартире Скоробогатов попытался открыть наборный замок чемоданчика, чтобы взглянуть, как наяву выглядит миллион, но у него ничего не вышло, замки были сделаны на совесть. Не желая уродовать красивый синий «дипломат» с тисненым вензелем, Антон лишь встряхнул его – звук показался ему стопроцентно денежным, и он решил отложить знакомство с содержимым до более удобного момента.

Скоробогатов торопился. Он быстро уложил необходимые вещи в дорожную сумку, собрал все до единого документы и бумаги, в которых хотя бы раз упоминалась его фамилия, и на самое дно убрал купленный по случаю старенький ТТ с двумя полными обоймами. Затем он набросал записку и через семь минут, надев легкую куртку с большим количеством карманов, навсегда покинул свое жилище.

Антон несколько не смущало то, что Лена приблизительно знала, куда он поедет. Как и всякий нелюбопытный человек, он не предполагал, сколько у красивой девушки может быть знакомых мужского пола и в какой сфере деятельности эти знакомые самовыражаются. Поэтому он решил действовать по намеченному плану. Путь его лежал в Петербург, но прежде Скоробогатов остановился сразу за кольцевой дорогой в небольшом подлеске и поменял номера на заранее приготовленные.

В Северной столице Антон имел всего двух знакомых и одного друга по прозвищу Петух. Кличка произошла от фамилии Петухов, а Володей или Вовой его называли только родствен-

ники да девушки, которым он так и представлялся. Года два назад они вместе занимались коммерцией, но затем предприятие распалось, и с тех пор они только раз поговорили по телефону. Именно на его помощь Скоробогатов и рассчитывал.

Ехать было немного страшно, но удивительно приятно. Сзади под сиденьем покоился симпатичный кожаный чемоданчик, под завязку набитый зелеными хрустящими купюрами. Впереди стелилась прямая как стрела дорога, напоминающая тот самый путь к светлому будущему, который для Антона уже стал вполне реальным. Заграничный паспорт Скоробогатов приобрел давно: он несколько раз ездил в Польшу, Грецию и Турцию по коммерческим делам, и в нем осталось лишь проставить несколько штампов, которые стоили смехотворно маленькие деньги. У Антона даже имелся толстый и тяжелый, как золотой слиток, русско-всеязычный разговорник, и в памяти – небольшой запас английских слов: «Hello, Mike, how are you? I'm very well, thank you!»

Несколько раз на дороге ему попадались голосующие. Как правило, это были дорожные бабочки, но подсаживать Скоробогатов никого не собирался. Пролетая мимо, он с какой-то полубезумной улыбкой громко выкрикивал:

– Все! Пошла ты в задницу! Миллионеры шлюх не возят.

Собственное остроумие вызывало у Антона истерический смех, и он исступленно лупил руками по рулю, вдавливал педаль акселератора до конца в пол и хохотал.

Проехав очередной пост ГАИ, Скоробогатов посмотрел на указатель – до Вышнего Волочка оставалось чуть больше сорока километров. Пустой желудок настойчиво напоминал о себе урчанием, и Антон решил купить в городе хотя бы пирожков или на худой конец колбасы с хлебом.

Вырулив в крайний левый ряд, Скоробогатов нажал на газ и почувствовал, как послушная «лошадка» уверенно набирает скорость. Справа назад пробегали деревенские домишки, торговцы машинным маслом, экзотическими фруктами и пожилые цветочницы с ведрами неправдоподобно красных георгинов. Слева навстречу неслись автомобили, каждый раз ударяя Антона жигуленок упругой воздушной волной. Все это было ему хорошо знакомо, быстрая езда приятно волновала, а блистательные перспективы кружили голову феерическими образами.

Увлечшись фантазиями, Антон и не заметил, как впереди идущая машина очень быстро и опасно приблизилась. Он увидел перекресток, одновременно взглянул на спидометр и нажал на тормоза, но владелец красного «москвича» уже лихорадочно выруливал от него в другой ряд, пытаясь спасти свое имущество от неизбежного столкновения.

Удар по тормозам на скорости в сто двадцать километров ввел жигуленок в такой штопор, что Скоробогатов не успел сообразить, куда крутить и нужно ли вообще крутить руль. Машина смерчем пронеслась последние сто метров, багажником врезалась в красный «москвич», рикошетом отлетела к старенькой иномарке и, разворотив ей бок, далеко улетела на встречную полосу.

Времени на размышления и тем более на эмоции у Антона было очень мало. При такой аварии отделался он легко: испугом и головокружением. Куда большее его ожидало при встрече с пострадавшими автолюбителями, а разговор с людьми в милицейской форме и вовсе мог закончиться для него полным крахом. Поэтому не раздумывая Скоробогатов достал из-под заднего сиденья чемоданчик с деньгами, выпрыгнул из машины, схватил свою сумку, куда он положил документы, и бегом подался в лес, который начинался в нескольких метрах от дороги. Позади него слышались крики и автомобильные гудки, в груди испуганно колотилось сердце, а впереди белыми вертикальными столбами маячили спасительные деревья, о которых Антон любил иногда попеть за столом после нескольких рюмок водки.

Полдня ходьбы с сумкой и тяжелым «дипломатом» по густому, почти девственному лесу, изрядно измотали Скоробогатова. Вещи оттягивали руки, постоянно цеплялись за ветки, волочились по земле, когда Антон, согнувшись пополам, пробирался по непролазному ельнику. К

исходу четвертого часа страх потерять все, ради чего он рисковал, к чему мысленно привык и прикипел душой, несколько поутих, и Скоробогатов решил вернуться к шоссе.

Остановившись в очередной раз на привал, Антон достал из сумки пистолет и сунул его за пояс под куртку. Документы он распахал по карманам и хорошенько проверил, что еще из вещей может понадобится до отъезда за границу. Оказалось, что без всего остального вполне можно обойтись, и Скоробогатов замаскировал сумку в овраге в густых кустах.

Идти стало намного легче, но Антона сильно мучили голод, жажда и полная неопределенность в том, куда он идет. День подходил к концу, вокруг не было видно никаких признаков человеческого жилья, а главное, непонятно было, на сколько километров тянется этот лес. Особенно расстроил его живописный кряжистый пенёк с букетом ярко-оранжевых поганок по всей округности. Мимо него он уже проходил часа два назад. Часть грибов были раздавлены – Скоробогатов задел их сумкой. Это означало, что он сделал огромный круг, а значит, потерял много времени и сил впустую.

Наконец Антон выбрался к едва заметной лесной дороге с заросшей колеёй, которая с наступлением темноты и привела его в глухую деревищу с единственным уличным фонарем.

В деревне Скоробогатов первым делом отыскал колонку и напился воды. Затем он прошёлся вдоль домов, высматривая в светящихся окнах одинокую старушку. Ему не хотелось проситься ночевать в семью, где пришлось бы придумывать легенду о том, как он оказался в этих краях. Не хотелось общаться с ошалевшим от скуки хозяином: курить с ним на крыльце, слушать, сколько тот вчера принял на грудь с соседом Петровичем или самому изобретать темы для разговора. Единственное, чего он сейчас желал, это наесться до отвала, покурить и завалиться спать.

Антону повезло. Возвращаясь к колонке, он услышал звяканье ведра, а затем и увидел черный силуэт селянки. Она набирала воду и, похоже, пристально всматривалась в позднего прохожего. Метров за пять до нее Скоробогатов остановился, вежливо поздоровался и, стараясь говорить как можно беспечнее, спросил:

– Мамаш, не скажете, далеко до Вышнего Волочка?

– Да верст тридцать с гаком будет, – ответила женщина, и по голосу Скоробогатов определил возраст – не менее шестидесяти.

– Ого! – рассмеялся он. – И автобусы уже не ходят?

– Здесь отродясь автобус не ходил, – удивленно ответила селянка. – Это тебе на трассу надо. Вот по этой дороге семь верст. Только ночью они и там не ходят. Сам-то откуда будешь?

– Из Питера, – ответил Антон.

– А чего так далеко забрался? – в голосе женщины не было ни подозрительности, ни тревоги – одно естественное любопытство жителя глухомани, куда если и забредает чужак, значит, у него на то есть очень веская причина.

– На шоссе машина у друга сломалась. Он полез чинить, а я пошел прогуляться по лесу, посмотреть, может, грибы есть, и заблудился. Вот сюда вышел.

– Городские, – сочувственно, но в то же время с осуждением проговорила селянка. – Сидел бы в машине, сейчас бы уж дома был.

– Это точно, – охотно согласился Скоробогатов. – А переночевать нельзя? Я заплачу, сколько скажете.

– Пойдем уж, – ответила женщина. – Бери ведро. Я сейчас одна. Дочка с внуками только на выходные приезжают. Места много. Звать-то тебя как?

– Саша, – соврал Антон.

Пока сердобольная хозяйка готовила ужин, Скоробогатов осмотрел дом. Затем он из сеней забрался по лестнице на чердак и повалился на прошлогодней пыльной соломе, в которой шуршали и попискивали мыши. Воздух здесь бы застоявшимся: пахло сухой травой, ста-

рым деревом и почему-то керосином. Антон уже начал было засыпать, но едва сознание его затуманилось, как послышался голос снизу:

– Сашка! Иди есть.

Ужинали не спеша, почти без разговоров. Скоробогатов поставил синий чемоданчик рядом с ножкой стола и ни на секунду не забывал о нем. Он частенько трогал его ногой, и эти легкие прикосновения доставляли ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Они переносили его в далекую абстрактную страну, где не было таких вот деревень с избушками на курьих ножках, вездесущей милиции и долгих холодных зим. Там, как сумасшедшее, светило солнце, рестораны зазывали светящимися вывесками «Girls», а по океанскому пляжу в избытке прогуливались длинноногие красавицы, которые все как одна говорили на иностранных языках.

На последней картофелине Антон почувствовал, как у него слипаются глаза, а хозяйка, посмотрев на засыпающего постояльца, отложила вилку и отправилась стелить постель.

«Дипломат» с деньгами Скоробогатов поставил на пол в изголовье так, чтобы до него можно было дотянуться рукой. Но через некоторое время он понял, что не может оставить миллион долларов без присмотра на всю ночь и положил чемоданчик под большую пуховую подушку. Спать на такой подушке было неудобно, зато на душе у него стало спокойней, и он почти мгновенно уснул.

Утром Антон ушел, не позавтракав и не попрощавшись. Он слышал беззлобную ругань хозяйки, хрюканье свиньи и куриный гомон, но в деревенский зверинец решил не идти, считая, что и так достаточно отблагодарил добрую селянку за гостеприимство – на столе он оставил пятидесятирублевую купюру.

На разбитом проселке, по дороге к трассе Москва – Санкт-Петербург, Скоробогатова обогнали две легковые машины. Остановилась только третья, и его согласились подбросить прямо до Вышнего Волочка.

По какой-то роковой случайности водитель оказался веселым разговорчивым милиционером в гражданской одежде. Он жил в Вышнем Волочке, но сейчас находился в отпуске и ехал за своей семьей в город. У милиционера было хорошее настроение, он много балагурил, рассказывал, какая здесь замечательная рыбалка и даже пригласил пассажира за карасями, с шашлыком и выпивкой. В ответ Антон лишь кисло улыбался, ощупывая локтем пистолет и пытаясь разобраться в собственных мыслях. Правда, проблема была всего одна: как отобрать машину, да так, чтобы не поднять на ноги всю местную милицию.

Помог ему в этом сам блюститель порядка. Неожиданно он съехал на обочину, заглушил двигатель и, на ходу расстегивая ширинку, зашел за ближайšie деревья.

– Давай, – мотнул он головой в сторону леса, – а то больше останавливаться не будем.

– Молодец, сам в петлю лезешь, – выбираясь из автомобиля, тихо пробормотал Скоробогатов. Он по очереди посмотрел в обе стороны. Машин на дороге было мало, да и те проносились мимо на большой скорости. Не доходя до деревьев, Антон достал из-под куртки пистолет, направил его на милиционера и приказал:

– Иди в лес.

– Ты что? – ошеломленно спросил тот.

– Я говорю: в лес! – повторил Скоробогатов и проиллюстрировал свои слова тем, что снял пистолет с предохранителя.

– Тебе машина, что ли, нужна? – застегивая брюки, испуганно спросил милиционер. – Забирай. Только сумку мне выброси. Там документы.

– Я же тебе сказал: иди в лес... – в третий раз с ненавистью проговорил Антон.

– Брось ты, парень, – отступая назад, начал уговаривать его блюститель порядка. – Зачем тебе мокрое дело? Бери так, я заявлять никуда не буду.

Эта глупое обещание рассмешило Скоробогатова.

– Я не хочу тебя убивать. Честное слово, – следуя за жертвой, сказал он, и правды в его словах было больше, чем неправды. – Но ты же заложишь меня, я даже не успею отъехать.

– Это понятно, – радуясь, что появился хоть малейший шанс остаться в живых, произнес милиционер. – Зачем все так усложнять? Привяжи меня к дереву. Пока я докричусь до кого-нибудь, может, сутки пройдут, а то и больше. Здесь же никто никогда не останавливается, а из машины на ходу не услышишь. У меня и веревка в багажнике есть.

– А за веревкой побегу я, да? – усмехнулся Антон.

– Да нет, я сам схожу, – торопливо начал страж порядка, но Скоробогатов не дал ему договорить и с сарказмом спросил:

– А мне тебя здесь подождать?

– Ну это же ерунда, – развел руками милиционер. – Что, мы не придумаем, как достать из багажника веревку? Мне тебя учить, что ли? Пистолет прячешь под куртку, я иду впереди, достаю веревку, и мы возвращаемся назад.

– Хороший ты мент, – с улыбкой покачал головой Антон. – Были бы все такие. – Ему понравилась идея стража порядка, но он прекрасно понимал, что тот воспользуется малейшей оплошностью, и тогда на будущем можно ставить жирный крест. Кроме того, Скоробогатову страшно было оставлять у себя за спиной живого свидетеля, который лично пустится за ним в погоню, сам расставит красные флажки и из-за своего жигуленка устроит на него такую облаву, что чертям станет тошно.

– Я ведь даже не на работе, – продолжал обрабатывать его милиционер. – Понимаешь, отпуск, жена с дочками ждут. Ладно бы во время дежурства, работа такая, а то в кои-то веки решил порыбачить, и здесь ты... – Он не стал развивать дальше эту опасную тему и сразу перешел к делу: – Пойдем. Будь спокоен, я все сделаю как надо.

С веревкой все обошлось гладко, видно, блюститель порядка решил не рисковать и понапрасну не провоцировать молодого грабителя. С испугу тот мог пальнуть просто так, из-за неосторожного движения жертвы или со злости на весь мир и собственно судьбу, наградившую его такой хлопотной и нереспектабельной профессией.

В лесу милиционер сам выбрал дерево, к которому его должны были приторочить – чистую, словно свежевыкрашенную березу – встал к нему спиной, завел руки за ствол и подбодрил Скоробогатова:

– Давай действуй. Не бойся, я буду стоять нормально.

Антон зашел за березу, прикинул, куда деть пистолет, но убирать его далеко не решился. Милиционер скосил глаза в его сторону и если не наблюдал за ним, то уж наверняка уловил бы, куда он засунул пушку.

Не выпуская оружия из рук, Скоробогатов сделал на веревке скользящую петлю, накинул жертве на запястья и хорошенько затянул. При этом кулаки у стража порядка были крепко сжаты, и Антон беззлобно приказал:

– Расслабь руки. Про Гудини я тоже читал.

– Да ради бога, – охотно согласился милиционер и разжал кулаки. – Кляп только не надо, – попросил он. – А то меня здесь до зимы никто не найдет. Так и сдохну в двух шагах от дороги.

– Не надо так не надо, – заканчивая работу, легко согласился Скоробогатов. Он придирчиво осмотрел путы, попробовал ослабить узлы и удовлетворенно констатировал: – То, что доктор прописал. – После этого Антон спокойно убрал пистолет за пояс и таким же образом привязал к дереву ноги милиционера.

Грабитель и жертва расстались молча. Ситуация не располагала к прощанию и уж тем более к пожеланиям типа «счастливо оставаться» или «счастливого пути». Не оборачиваясь, Скоробогатов отправился к машине, затем вернулся с сумкой милиционера и бросил ему под ноги.

– Спасибо, – поблагодарил тот, и Антон посмотрел ему в глаза. На какое-то мгновение он успел поймать выражение лица жертвы, которое напугало его, но в тот же миг блюститель порядка улыбнулся и даже кивнул головой, мол, пока, все будет в порядке.

Сев в машину, Скоробогатов задумался. Жесткий, ненавидящий взгляд милиционера не давал ему покоя, и Антон понял, что, если его освободят и они встретятся еще раз, этот страж порядка перегрызет ему горло. Счастливый случай вполне мог преподнести ему такую возможность, и Скоробогатов решил не испытывать судьбу. Он еще раз вернулся к жертве, молча достал пистолет, и милиционер словно прочитал его мысли. За какой-то неощутимый отрезок времени на его лице разыгрался такой спектакль чувств и переживаний, будто Антону разом прокрутили на экране всю жизнь этого человека – все его поступки, мысли, страсти, надежды и чаяния. В этот же момент Скоробогатов вдруг почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось, и ему наконец открылся сокровенный смысл когда-то слышанного им словосочетания: «переступить черту».

Не более двух секунд Антон и страж порядка пристально смотрели друг другу в глаза, и за это время между ними установилась некая метафизическая связь, какая возникает в последний момент между палачом и жертвой – оба предельно остро ощутили присутствие смерти.

Эхо от выстрела прокатилось по лесу, голова милиционера неестественно дернулась и упала на грудь.

Новое, незнакомое чувство, которое Скоробогатов испытал от содеянного, как бы раздвоило его личность. Один, хладнокровный убийца, опустил руку и спокойно убрал пистолет. Его переполняла гордость за то, что рука его не дрогнула и он сумел выстрелить в человека. (Этот мгновенный переход из мелких аферистов в убийцы леденил душу Антона, но в то же время наполнял ее презрением ко всему живому.) Другой, потрясенный и напуганный, мысленно увидел, как прямо перед ним выросла непреодолимая стена, разделившая его жизнь на две неравные части: до и после. И ощутил, как словно вода из дырявого сосуда, из него вытекает что-то очень важное, а внутри образуется звенящая пустота.

В машину Скоробогатов вернулся только после того, как убедился, что вокруг никого нет. Место было глухое, автомобили проносились по шоссе в обе стороны не останавливаясь, и Антон решил не пороть горячку: не гнать, не шарахаться от людей, в общем, вести себя как обычный законопослушный гражданин.

Всю дорогу до Вышнего Волочка Скоробогатов думал, что делать, если его остановят или он не сможет уйти от погони. Собственно, в голову лез только один ответ: отстреливаться, даже если их будет намного больше, поскольку за убийство милиционера в лучшем случае его посадят, после суда вкатят в затылок пулю, а за найденный в кейсе миллион добавят еще парочку. В худшем же его будут убивать в камере, долго и изощренно превращая в кусок окровавленного мяса.

До Вышнего Волочка Антон добрался без происшествий. На окраине он зашел в магазин, купил бутылку водки, кое-какой еды, но задерживаться в городе не стал. Машину милиционера могли опознать родные, друзья и те же коллеги, которые по известному подлому закону попадались ему чаще обычного.

Позавтракал Скоробогатов в дороге. Одной рукой он держался за рулевое колесо, другой – поочередно брал то хлеб, то колбасу, то бутылку с пепси. Ел он жадно, почти не жуя, словно торопился поскорее покончить с этим неинтересным, но необходимым делом. Иногда, не успев прожевать, он открывал рот и длинно отрывивал газировкой, а затем с каменным лицом вновь принимался за еду.

Не доехав до Петербурга нескольких километров, Антон не утерпел и свернул на проселочную дорогу. Остановившись, он нашел в багажнике инструменты и около получаса провозился с наборным замком синего чемоданчика. Ему жалко было ломать дорогой «дипломат», который представлялся символом благополучия, а потому он сделал все предельно аккуратно

– замком можно было пользоваться, но без шифра. Когда же Скоробогатов наконец раскрыл чемоданчик, у него перехватило дыхание – миллион долларов выглядел именно так, как Антон и предполагал.

В Петербург Скоробогатов въехал около семи вечера. Небо над Северной столицей было свинцово-серым, накрапывал мелкий дождь и, как всегда в такую погоду, дул холодный пронизывающий ветер.

Антон быстро нашел знакомый дом, но машину решил бросить не ближе чем за два квартала от своего предполагаемого убежища. Он загнал ее в проходной двор, огороженный четырьмя блочными высотками, взял «дипломат» с деньгами, водку и, даже толком не закрыв дверь, бодрым спортивным шагом отправился к приятелю.

Скоробогатову не повезло – Петухова не оказалось дома, и Антон с опозданием вспомнил, что его приятель редко проводит вечера в своем жилище. Гуляка и искатель приключений, Петухов заявлялся домой лишь для того, чтобы привести себя в порядок и переодеться. В этом смысле он вполне оправдывал свою фамилию и кличку. Петухов любил подраться и, если вечер прошел без ссоры, считал его потерянным. В одежде он руководствовался не сочетаемостью предметов туалета и даже не модой, а собственным довольно странным вкусом: все, что он покупал и шил на заказ, было вызывающе ярким и носило отпечаток провинциальности. И даже малиновый пиджак, из которого два года назад Петухов не вылезал, «малиновым» можно было назвать с большой натяжкой. Он был скорее кумачового цвета, и при виде широкой спины Петухова хотелось взять кисточку, бронзовую краску и начертать на ней соответствующий символ – серп и молот.

Потоптавшись у двери, Скоробогатов спустился на улицу и закурил. Он не имел понятия, что делать дальше. В машину возвращаться не хотелось – она казалась ему опасной. Искать Петухова с чемоданом денег по знакомым борделям было не менее рискованно. Он чувствовал, что тайна синего чемоданчика с загадочным тисненым вензелем написана у него на лице. Антон имел достаточный опыт и знал, какими иногда бывают пронизательными те люди, которые проводят вечера в подобных заведениях, и прекрасно представлял, чем могут закончиться его поиски Петухова. Поэтому оставалось только ждать и надеяться, что его питерский приятель все же вернется ночевать.

Правда, существовал еще один вариант: в свой последний приезд, около двух лет назад, Скоробогатов провел несколько часов в гостях у девицы, с которой познакомился в ресторане «Кавказский». Утром он записал ее номер телефона и теперь всерьез подумывал, не навестить ли старую знакомую, тем более что Лариса оказалась очень необычной партнершей.

Для того чтобы позвонить, нужны были жетоны, но идти пешком разыскивать станцию метро не хотелось, и Антон решил в последний раз попользоваться машиной убитого милиционера. Он вернулся в проходной двор, сел за руль и на какое-то время задумался.

Мечта его осуществилась как-то на удивление легко: рядом на сиденье лежал миллион долларов, но развернуться во всю ширь здесь было невозможно. Это напоминало ситуацию с покупкой охотничьего ружья: он держал его в руках, но, чтобы насладиться стрельбой, надо было еще добраться до леса.

Тягостные мысли о том, что ждет его в случае поимки, возвращались к Скоробогатову все чаще и чаще – сказывалась усталость. Он несколько не раскаивался и не жалел о случившемся. Смущало Антона лишь то, что неудачи преследовали его одна за другой: разбитая машина, милиционер, а теперь вот Петухов. В самом начале ему казалось, что достаточно придерживаться разработанного плана, и все само пойдет как по маслу. Однако на деле оказалось иначе: для воплощения плана требовалось как минимум везение, а у него неприятности шли за неприятностью, и то, что он до сих пор оставался на свободе, Антон приписывал исключительно своей энергичности.

Откупорив водку, Скоробогатов отпил два глотка прямо из горлышка и пристроил бутылку на сиденье. Горячая волна пролилась по пищеводу, и почти мгновенно в голову ударил хмель.

Решение выпить пришло к нему как-то неосознанно. До сих пор Антон крепко держал себя в руках, но душевные силы уже были на исходе, ему требовался отдых от собственных мыслей, которые вертелись в основном вокруг возможного наказания, и чем больше Скоробогатов думал об этом, тем труднее ему было сохранять спасительное хладнокровие.

Отхлебнув водки, Антон почувствовал некоторое облегчение. Он словно обрел наконец искомое равновесие: нервы успокоились, проблемы разом потускнели и стали казаться вполне преодолимыми, а внутри сделалось тепло и комфортно.

Отпив еще два глотка, Скоробогатов увидел, как из подъезда дома вышла молодая женщина. Она остановилась у двери, раскрыла зонтик и рассеянно оглядела двор. По лицу ее было видно, что она никуда не торопится и, скорее всего, выбралась из дома под дождь от скуки или в магазин за какой-нибудь необязательной мелочью.

Проходя мимо машины, женщина замедлила шаг, покопалась в сумочке и достала сигарету.

– Спичек не найдется? – нагнувшись к окошку, спросила она. Антон опустил стекло до конца, достал зажигалку и дал ей прикурить. Попутно он определил ее примерный возраст – где-то около тридцати.

– Могу и выпить дать, – скорее в шутку сказал он.

– Да? – Женщина оценивающе посмотрела на молодого искусителя, выпрямилась, но уходить, похоже, не собиралась. Предложение, очевидно, застало ее врасплох, и теперь она придумывала ответ или решала, как подстойней согласиться и под каким соусом это сделать.

– А я как раз за пивом собралась, – как можно равнодушнее сказала она.

– У меня водка. – Скоробогатов открыл правую дверцу и жестом пригласил ее сесть в машину. – В такую паршивую погоду надо пить только водку.

Наконец, решившись, она обошла машину, села на переднее сиденье и тут же представилась:

– Меня зовут Валентина. Я вообще-то водку не очень-то, но за компанию... с таким симпатичным молодым человеком выпью. – Антон протянул ей бутылку, Валентина взяла ее, повертела в руке и вернула: – Я так не могу. Может, пойдем ко мне? Дома все-таки лучше, я закуски приготовлю. К тому же соседи...

Скоробогатов согласился не раздумывая. Такой расклад его очень даже устраивал, тем более что Петухов мог загулять у какой-нибудь новой знакомой на несколько дней, а, значит, ему пришлось бы все это время где-то скрываться. Антон даже обрадовался и подумал: «Ну хоть здесь-то повезло», – но не стал подавать виду, что приглашение прозвучало как нельзя более кстати.

– Пойдем, – сказал он, стараясь выглядеть степенным и опытным соблазнителем. – Я к другу приехал, а он куда-то забурился. В случае чего у тебя можно будет переночевать?

– Ого! – хохотнула Валентина. – Быстрый какой. Ну ладно, ладно, пойдем. Там разберемся.

Однокомнатная квартира Валентины в типовой блочной многоэтажке выглядела примерно так же, как и собственное жилье Скоробогатова: обычный набор гостиничной мебели с полкой любовных и детективных романов в ярких обложках, та же постсоветская «роскошь» – большой морозильник, видеодвойка, утюг «филлипс» и календарь с коротконогой плоскогрудой японкой в японском же традиционном интерьере. Незначительная разница была лишь в обоях, цвете мебельной обивки да в чисто женской мелочовке, разбросанной по комнате. Здесь так же сверху давил потолок, до которого, подпрыгнув, легко можно было достать рукой, и под ногами поскрипывал преждевременно рассохшийся березовый паркет.

Оказавшись на своей территории, Валентина почувствовала себя увереннее. Она усадила гостя на деревянную кровать, включила телевизор, чтобы как-то скрасить самую трудную – ознакомительно-подготовительную часть вечера, а сама принялась хлопотать вокруг стола. При этом хозяйка пыталась играть еще какую-то, не совсем понятную Антону роль: то ли капризной девочки, что в ее возрасте выглядело нелепо, то ли недоступной девы, чтобы как-то сгладить впечатление от скоропалительного знакомства. Похоже было, что Валентина набиwała себе цену, но почему-то неумело, словно делала это впервые, чему достаточно опытный Скоробогатов поверить никак не мог.

Синий чемоданчик Антон машинально положил на колени, затем поставил между ног, но подумал, что это выглядит подозрительно, и убрал его за кровать.

– У тебя там что, деньги, что ли? – шутливо спросила хозяйка квартиры, не подозревая, что своим вопросом так напугает гостя.

– Почему деньги? Документы, – поспешно проговорил Скоробогатов.

– А чего ты жмешься к нему, как к женщине? Не бойся, я гостей не обкрадываю, – усмехнулась Валентина и добавила: – Сними куртку, не на вокзале.

– Я и не боюсь, – справившись с замешательством, ответил Антон. Он вышел в прихожую, разделся и ошупал пистолет в кармане куртки. Затем вернулся и как можно веселее сказал: – Давай рюмки. Скоро спать ложиться, а мы еще ни в одном глазу.

– В командировку к нам? – не отреагировав на шутку, спросила хозяйка квартиры. Она открыла выставочную полку облезлого серванта и достала оттуда посуду.

– Да. По коммерческим делам. Документы кое-какие надо оформить. – Скоробогатов кивнул в сторону чемоданчика с деньгами и про себя порадовался, как ловко ему удалось объяснить свои манипуляции с «дипломатом».

– Ты из Москвы? – поинтересовалась Валентина.

– Из столицы родимой, – взявшись за бутылку, ответил Антон.

– Я по разговору поняла. А машина из Вышнего Волочка, – блеснула хозяйка умением разбираться в автомобильных номерах.

– У знакомого взял. У меня движок застучал, еле дотянул до Вышнего Волочка, – ответил Антон первое, что пришло в голову. Он налил в рюмки водку, поднял свою и сказал самый популярный в стране тост: – За успех нашего безнадежного предприятия.

Первая бутылка кончилась как-то неправдоподобно быстро, как будто пили ее вдесятером. Валентина успела только приготовить закуску, а сближающий фактор – водка – уже перекочевала в желудки, причем хозяйка отпивала из рюмки по глоточку.

– Может, сходишь, возьмешь еще? – попросил Скоробогатов. Он уже перестал ориентироваться во времени и пространстве, хотя держался молодцом и даже пару раз подержался за грудь хозяйки дома, чем несколько не рассердил ее. – Деньги есть. Просто ты лучше знаешь, где здесь магазин.

– Пойдем вместе, – ответила Валентина. – Прогуляемся перед сном.

– Не хочу, – помогал головой Антон и добавил: – Ты что, боишься, что я у тебя шкаф с барахлом утащу?

– А кто тебя знает, – рассмеялась хозяйка квартиры. – Машина внизу, сядешь да уедешь.

– Дура ты. – Скоробогатов устало вздохнул, улегся поперек кровати и закрыл глаза.

– Не дурнее тебя, – несколько не обиделась Валентина.

– Ладно, – через некоторое время наконец согласился Антон. Он испытывал непреодолимое желание добавить, и ему проще было сбегать самому, чем заниматься бесплодными уговорами. – Пойдем вместе. Только вначале я в сортир схожу.

Оставшись в одиночестве, хозяйка квартиры стремглав бросилась за кровать, положила «дипломат» на пол и раскрыла его. Секунды три она оторопело разглядывала полный чемодан

долларов, а затем очень ловко принялась выдергивать из каждой пачки по несколько купюр, что совершенно не изменило внешнего вида этого маленького долларового аквариума.

Когда Скоробогатов, пошатываясь, вернулся в комнату, Валентина дрожащими руками копалась в холодильнике, пытаясь вернуть своему лицу прежнее безмятежное выражение. Ей это удалось, тем более что гость особо и не приглядывался. Он лишь воспользовался случаем, пристроился сзади и похлопал ее по бедрам.

За водкой сходили быстро – магазин оказался за углом. Антон на всякий случай взял две бутылки, а затем набрал целый пакет лакомств: бисквитов, шоколадок, орехов, соков и даже большую, как ручка от молотка, гаванскую сигару. Валентина при этом нервно похахатывала, тыкала пальцем в витрину и приговаривала:

– Вот это еще. И вот это. Райское наслаждение купи. Маленький, райское наслаждение хочу.

– Райское наслаждение я тебе дома устрою, – сострил Скоробогатов.

– А вот это? – надув губки, показала Валентина. – Что там дома будет, я еще не знаю, а это я пробовала. Очень вкусно.

Вернувшись, Антон сразу проверил, на месте ли чемоданчик. Причем попытался сделать это незаметно, не привлекая внимания хозяйки. Валентина же притворилась, что ничего не заметила. Она выкладывала покупки на стол, болтала какую-то чепуху и смеялась так ненатурально, что даже пьяный, никогда не слыхавший о системе Станиславского Скоробогатов почувствовал вопиющую фальшь, но самонадеянно приписал это радости от столь удачного знакомства с молодым и щедрым бизнесменом и отчасти – водке.

На самом деле хозяйка квартиры сильно нервничала – человека с такими деньгами не могли не разыскивать, и то, что он наплел ей про поломку машины в Вышнем Волочке, лишь подтверждало ее догадку. Она ничего не знала об этом юном миллионере, но прекрасно понимала, что заработать чемодан долларов возможно только одним способом и что стоящие внизу «жигули» могут обнаружить те, кто ищет Антона. Все это пахло судебным разбирательством с непредсказуемыми последствиями или, что еще хуже, кровавой разборкой.

Валентина лихорадочно соображала, как ей поскорее избавиться от опасного гостя. Вначале она хотела уговорить Антона просто отогнать машину в другое место и на этом успокоиться, но у нее перед глазами стоял синий чемоданчик, и ей показалось этого мало. Такая сумма в руках наглого, вороватого мальчишки прежде всего вызывала в ней мысли о жестокой насильственной смерти. Но дело усложняло то, что ей нельзя было позволить разоблачить себя, и хозяйка квартиры решила действовать исподволь.

Скоробогатов откупорил бутылку и разлил водку по рюмкам. Сейчас он сам себе казался и сильным, и хитрым, и удачливым колобком, который не только обманул всех, кто мог его слопать, но и блестяще замел следы. Чувство гордости за самого себя сделало его щедрым и снисходительным, и Антон решил, что на следующий день, прощаясь с Валентиной, он царски отблагодарит ее – подарит тысячу долларов. Правда, выпив еще рюмку, Скоробогатов передумал давать ей деньги и остановился на автомобиле милиционера. Разумно распорядившись подарком, хозяйка квартиры могла выручить за него не меньше.

– Так к кому ты приехал-то? – едва пригубив и отставив рюмку, спросила Валентина. Она никак не могла выбрать, как ей поступить с Антоном: позвонить ли приятелю и попросить его помочь разобраться с залетным миллионером, напоить его и выпроводить к чертовой матери или прогнать прямо сейчас. Первый вариант выглядел очень заманчиво – друг не только разобрался бы с гостем, но и честно поделил бы содержимое «дипломата». Ее пугала лишь одна деталь: приятель мог погорячиться и убить Антона, а Валентине ужасно не хотелось брать на душу такой тяжкий грех.

– Корешок у меня здесь. Какая тебе разница? Ты пей, – ответил Скоробогатов и положил ладонь на колено хозяйке.

– Ко мне мама может зайти, – подливая гостю, соврала Валентина. – Она иногда у меня ночует. Ты позвони своему другу, может, он уже дома.

– Какая мама? – возмутился Антон и, как бы желая показать, что они устроились здесь надолго, окинул взглядом стол.

– Обычная мама, – устало ответила Валентина и, по-своему поняв взгляд гостя, добавила: – А это все ты можешь забрать с собой. С другом съедите. Да что вы себе баб, что ли, не найдете? Молодые красивые ребята. Только свистнете.

Скоробогатов, уже порядком опьяневший, непонимающе смотрел на хозяйку и пытался разгадать смысл этого пируэта, а Валентина нервно постукивала ложечкой по рюмке и про себя думала: «Уходи же, дурак... если хочешь жить. Уходи! Уходи! Уходи!»

– Да ладно тебе, какая там мама... – Антон полез рукой ей под юбку, затем попытался повалить Валентину на кровать, но она не поддавалась, сидела словно изваяние и в упор смотрела на него.

– Ну ты что, хочешь меня трахнуть? – наконец спросила она.

– Хочу, – признался Скоробогатов и снова потянулся к хозяйкиным ногам.

– А если я дам, уйдешь потом?

– Уйду, – не задумываясь пообещал Антон.

– Иди тогда, позвони своему дружку, а потом разберемся. – Валентина грубо оттолкнула чересчур расхордившегося кавалера и добавила: – Ну иди же, звони. Потом. Все потом.

Хозяйка квартиры вырвалась из объятий и быстро ретировалась к двери. Скоробогатов разочарованно промышал что-то, повалился лицом вниз, но через несколько секунд все же поднялся. Идея Валентины позвонить Петухову в общем-то не казалась ему глупой. Наоборот, Антон вспомнил, зачем сюда приехал, и даже немного протрезвел.

– Уговорила, – тихо проворчал он.

Петухов оказался дома, и это обстоятельство вернуло Скоробогатова к действительности. Он говорил бодрым, почти трезвым голосом, обещал появиться через час, но его приятель сообщил, что убегает на всю ночь, и, если Антон желает его застать, он должен выйти немедленно.

– Давай скорее, я сейчас в «Посейдон», а потом мы к телкам едем! Опаздываю, – кричал в трубку Петухов. – Успеем выпить по стопарику. А хочешь, поедем со мной. Попрошу свою, она тебе подружку выпишет.

Обещание выписать подружку смирило Скоробогатова с необходимостью уйти немедленно, так и не попробовав хозяйкиного тела. Он подошел к столу, положил в пакет непечатую бутылку водки, небрежно бросил туда же горсть шоколадок, и кивнул на остальное.

– Ладно, угощайся. Может, еще свидимся.

– Свидимся, свидимся, – поддакнула Валентина, раскрывая дверь. – Обязательно свидимся. Только я завтра уезжаю на курорт, к морю. Так что через месяц приходи.

Чувствуя в этом какой-то подвох, Антон пристально посмотрел на хозяйку квартиры, мрачно попрощался с ней и вышел за порог. Едва за ним захлопнулась дверь, Валентина перекинулась, облегченно вздохнула и вполголоса пробормотала:

– Спасибо тебе, Господи, живой ушел.

Глава 4

Комната отдыха конторы с простенькой и даже какой-то затрапезной табличкой «Частное охранное предприятие» и со странной то ли аббревиатурой, то ли названием «АНЕ-ПОУ» когда-то была обставлена с претензией на роскошь, но не солидную, а общедоступную, поскольку народ здесь работал непривередливый и особенной аккуратностью не отличался. Уже через год магазинный лоск с мебели сошел, мягкие диваны и кресла потеряли округлые формы, засалились, и обивка так провоняла табачным дымом, что даже летом при открытых окнах здесь ощущался стойкий запах давно не мытой пепельницы.

Александр Николаевич Синеев – сорокапятилетний заместитель начальника охраны банка «Золотой рассвет», полулежал в кресле, невнимательно листал туристический буклет с экзотическими видами и прикидывал, во что ему обойдется отправить жену с двумя дочерьми в Грецию на эти самые пляжи, которые так заманчиво выглядели на фотографиях, но при ближайшем рассмотрении теряли большую часть своей привлекательности. В своем спортивном прошлом он бывал там, но в воспоминаниях остались только тренировки, неинтересные автобусные экскурсии и непривычная для северянина жара.

Синеев включил телевизор и, продолжая в уме высчитывать разницу между четырех и пятизвездочной гостиницами, какое-то время смотрел на экран. За этим занятием его и застал Сергей Мокроусов, тридцатилетний мешковатый охранник, который вошел в комнату, хрипло поздоровался и тяжело повалился на соседний диван. Вид Мокроусова достаточно красноречиво говорил о том, как он провел вчерашний вечер, плавно перешедший в сегодняшнее утро. От Мокроусова на метр разило перегаром пополам с фруктовой жвачкой. Он часто морщился от постреливания в голове и от него же вполголоса поругивался.

– Выпей пивка, – швырнув буклет на стол, посоветовал Синеев. – Через пятнадцать минут уходим.

– Уже выпил, – сквозь зубы ответил Мокроусов, но встал и подошел к холодильнику. Он открыл его, достал оттуда банку пива, затем, подумав, поставил на место и взял начатую бутылку водки.

Через пятнадцать минут Мокроусов вышел из конторы вполне поправившимся и даже веселым – несколько глотков «Столичной» вернули ему природное жизнелюбие. Глаза у Мокроусова сделались водянисто-пьяными, как всегда, он принялся хохмить и подковыривать своих сослуживцев.

На задание они поехали втроем. За рулем вишневого «вольво» с тонированными стеклами сидел выписанный заказчиком откуда-то с периферии молодой, атлетически сложенный Женя Ломов по кличке Лом, которого никто из группы до вчерашнего вечера не знал. Правда, заказчик сообщил Синееву, что приезжий «охотник» хорошо ориентируется на московских улицах, отличается удивительным и даже патологическим спокойствием, но только, когда ему не угрожает никакая опасность. Рядом с оплывшим Синеевым и жирным Мокроусовым Ломов выглядел статным юношей, но тот же заказчик предупредил, что он обладает невероятной силой и столь же удивительной ловкостью.

Синееву варяг ужасно не понравился, правда, объяснить себе чем и почему он не мог. Зато Мокроусов сразу после знакомства полез дружить с Ломовым и даже уговорил его выпить, но, как он ни старался, кроме отчества, так ничего и не выведал.

– Ну что, Лом, обломилось тебе вчера? – каламбурил Мокроусов, имея в виду минувший вечер, когда они вдвоем «сняли» двух хорошеньких девочек в ста метрах от конторы, а затем, загрузившись спиртным, привели их сюда же пить водку.

– Нет, – простодушно ответил Ломов. – Домой отправил. А тебе, я смотрю, обломилось.

– Я, Лом, если уж за что берусь, раскрываю на всю катушку, – рассмеялся Мокроусов.

– Я вижу, – не оборачиваясь, усмехнулся Ломов. – Глаза – хоть прикуривай.

Они доехали до Товарищеского переулка, Ломов повернул налево и, проехав еще метров двести, поставил «вольво» за удачно подвернувшийся микроавтобус, из-за которого хорошо просматривался весь переулок и двери подъезда. Затем Ломов закрыл все четыре окна и посмотрел на часы. Стрелки показывали без четверти девять – время, когда на улицах города больше всего спешащих на работу служащих. Но в переулке людей было мало, поэтому они не боялись пропустить Лену. Впрочем, все трое были уверены, что она подъедет на машине к самым дверям.

– Ну давай, Серега, рассказывай, – обратился Синеев к Мокроусову. – Сидеть нам долго. Раньше-то она вряд ли придет.

– Ладно, – заранее готовый к подобной просьбе, милостиво согласился Мокроусов. – Надо было водку с собой забрать. Ну хрен с ней, слушайте. Я тогда служил в Жуковском, оперативником. Как-то нам позвонили, сказали, что в соседней деревне ночью ограбили продуктовый магазин. Приезжаем мы на место. Сами знаете, деревенский магазинчик – дрянь – дощатая собачья будка, посильнее пни ногой – развалится. Ребята обрезают сигнализацию и вскрыли его обычной фомкой. Продукты почти все на месте. Так, взяли несколько банок консервов и пару батончиков колбасы – на закуску. Зато вынесли двадцать шесть ящиков портвейна «Розовый», который давно уже в этот район не завозили. Оказалось, это заначка заведующей, для своих придерживала – на свадьбы и прочие наши народные гулянья.

– Помню я этот портвейн. Пузырь выпьешь – как ломом по башке получил. – Синеев посмотрел на Ломова и рассмеялся. – Память начисто отшибал. Потом ходишь полдня, не можешь вспомнить, с кем пил и как тебя зовут.

– Вот-вот, – продолжил Мокроусов. – Увозили они это пойло на легковом уазике, поэтому все и не вошло. Оставили полтора ящика. Мы, как положено, составили протокол, вписали туда двадцать семь с половиной ящиков, а остаток забрали с собой. А через пару дней, в субботу, мы всей командой, впятером, поехали на шашлыки. Там, в лесу, озерцо такое, класс! Я туда часто по утрам на рыбалку ходил. Ротаны – с ладонь, а бывало, и карась попадался. Ну, значит, набрали мы с собой хорошей свинины, закубочки и захватили эти тридцать бутылок портвейна. В общем, все как полагается. Помню, погода тогда была хорошая и шашлык получился – ни в одном ресторане такого не увидишь. Грамотно сделали, не торопились.

И вот банкет в самом разгаре, половину конфискованного портвейна уже оприходовали, а на соседней поляне за деревьями еще одна компания выходные празднует. И, как это бывает, слово за слово, начали друг к другу в гости ходить. Потом компании перемешались: они у нас шашлычку попробовали, мы у них – и вместе вмазали.

Ребята попались нормальные, я с одним даже успел закорешиться, и тут Санька Мелешин, мой начальник, толкает меня в бок. «Серега, – тихо говорит он мне, – а ребята-то эти пьют то же самое». «Да, – отвечаю я, – сам вижу. Портвейн „Розовый“. В прошлом году снят с производства».

Я к тому времени соображал уже на троечку, но понял, куда Санька клонит. «Его же, – говорит Мелешин, – полгода как в магазины не завозили». «Да, – отвечаю я, – не завозили и уже никогда не завезут. Значит, он из тех двадцати шести ящиков». А Мелешин меня поправляет: «Двадцати семи с половиной».

– У меня тоже была похожая история, – перебил его Синеев.

– Да подожди ты, дай дорассказать, – отмахнулся от него Мокроусов. – В общем, начали мы наших соседей всячески обхаживать да подливать им, а когда допили весь портвейн, тихо так взяли ребят и погрузили в машины. И проснулись они на следующий день после портвейна «Розового» в нашем родном учреждении. А через месяц вся группа получила премии за оперативно раскрытое дело. Вот так надо работать! – со смехом закончил Мокроусов.

– Вот за это я и не люблю ментов, – не переставая улыбаться проговорил Синеев. – Вначале они с тобой пьют за твои же бабки, а потом просыпаешься на нарах.

– А если она пошлет кого-нибудь вместо себя? – спросил Ломов, внимательно рассматривая баскетболирующего парня в синей куртке. Тот добежал до подворотни, бросил мяч мальчишке и, зыркнув в переулок, скрылся.

– Куда она денется... – начал было Мокроусов, но Ломов резко перебил его:

– Я же говорил! – сквозь зубы процедил он, быстро повернул ключ в замке зажигания, нажал на газ, и машина с места рванулась вперед. – Это Калистратов! Упустили! Обоих упустили!

Смекнув, что произошло, Синеев с Мокроусовым засуетились, припали к окнам и открыли дверцы, а когда автомобиль резко затормозил напротив арки, все трое выскочили. Ломов побежал прямо, через анфиладу подворотен, успев махнуть руками вправо и влево, что означало: один – туда, другой – сюда.

Ломов пробежал насквозь несколько дворов, выскочил в соседний переулок, мгновенно осмотрелся и, не думая, надеясь только на чутье, свернул направо. Он быстро обшаривал взглядом все машины, которые проезжали мимо или стояли у тротуаров, и всех прохожих на двести метров вперед. Затем он развернулся и побежал в обратную сторону, но Калистратова нигде не было. Правда, вдалеке, на Малой Рогожской улице, он увидел отошедший от остановки трамвай и с недоумением подумал: «Неужели на трамвае? Попадется же такой козел!»

Проверив для очистки совести близлежащие магазины, Ломов купил в одном из них жевательную резинку и не торопясь пошел назад.

Синееву и Мокроусову достались дворы. Немолодой Синеев сгоряча обежал несколько подъездов и понял, что все не осилит – дышалка была уже не та. Затем он заглянул на спортивную площадку и в несколько закутков, где местные алкаши и подростки устраивали свои посиделки. Синеев не верил, что обнаружит здесь одного из похитителей синего чемоданчика. Даже если Ломов не ошибся и действительно видел Калистратова, нужно было совсем свихнуться, чтобы прятаться в подъезде или за гаражами. А Калистратов, несмотря на то что был дилетантом, не казался ему глупым уже потому, что сумел увести из банка миллион долларов.

Мокроусов бегал и того меньше. Он осмотрел только один подъезд, поспрашивал прохожих и старушек, не видели ли они молодого человека в синей курточке, так же облазил все дворовые потайные места и сел за гаражами покурить.

Все трое встретились в Товарищеском переулке только через двадцать минут. Грузный Мокроусов демонстративно тяжело дышал и все время плевался. Согласившись на эту работу, он надеялся на авось, на общие усилия и неопытность грабителей. А после того, как заказчик сообщил им, что бывшая секретарша в половине десятого утра придет за деньгами к своей подруге, задание и вовсе показалось ему плевым делом, зато гонорар впечатлял, и мысленно Мокроусов уже включил эти деньги в семейный бюджет.

– Ушел, сука! – добравшись до машины, возмущенно проговорил он.

– А это был Калистратов? Ты лицо видел? – наседая на Ломова, психовал Синеев. – Лицо видел?

– Мельком, – спокойно ответил Ломов. – Это был он. Раньше времени пришел. Как он здорово нас с мячом... Лопухнулись.

– Так они же ее кинули! – брызжа слюной, бесновался Синеев. – Они ее кинули или нет?

– Теперь не уверен, – задумчиво произнес Ломов и полез в машину. – Не сходи с ума, я знаю столько же, сколько и ты.

– А если это не Калистратов, и, пока мы бегали, она успела забрать деньги?! – не успокаивался Синеев. – Ну, Лом, если мы из-за тебя ее упустили... – Синеев недоговорил, но очень многозначительно сплюнул на асфальт и яростно растер плевком носком тяжелого ботинка.

– Хватит трепаться, лезь в машину! – поморщившись, сказал Ломов. – Ждем до одиннадцати, а потом берем подругу.

Автомобиль поставили на прежнее место. Все трое сидели молча, и каждый по-своему переживал неудачу. Ломов несколько не сомневался, что это был Калистратов, и не надеялся на появление Лены. Синеева мучила неопределенность: он почти поверил невозмутимому варягу, который говорил очень убежденно, но правота Ломова настолько усложнила бы дело, что думать об этом не хотелось. Мокроусов же с отвращением думал о том, что впереди еще целый рабочий день и вместо того, чтобы нормально похмелиться водочкой, позавтракать и завалиться в постель, он вынужден сидеть в этой душной консервной банке и бегать по подворотням. Для себя Мокроусов так и не решил, верит он или не верит Ломову, был здесь Калистратов или не был, но ему очень хотелось, чтобы все это поскорее закончилось.

Самое неприятное во всей этой истории было то, что вечером им предстояло отчитаться перед заказчиком, рассказать, каким образом, сидя в засаде, три опытных ловца проворонили одного мальчишку, и больше всего по этому поводу страдал Синеев.

Лену они увидели еще в машине, когда та сворачивала в переулок. Такси на малой скорости проехало в двадцати сантиметрах от них, и все трое сразу узнали ее. Ломов от облегчения уронил голову на руль, Синеев же резко отвернулся и прошипел Мокроусову, который как раз принялся рассказывать очередную историю:

– Заткнись! Это она!

Лена знала заместителя начальника охраны банка в лицо, и от волнения Синеев как-то упустил, что бывшая секретарша не сможет разглядеть их через тонированные стекла. К тому же она была занята тем, что показывала водителю дорогу. Лена была растрепана, возбуждена и совершенно не интересовалась тем, что происходит вокруг.

– Твое счастье, Лом, что она опоздала, – тихо процедил Синеев. – Не было Калистратова. Не было!

– Был, – хладнокровно проговорил Ломов. Он посмотрел в зеркало на заместителя начальника охраны банка и усмехнулся. – И насчет «моего счастья» ты не прав. Не мое оно.

Они дождались, когда Лена скрылась за дверью, быстро подъехали к дому и все трое вышли из машины. Ломов с Мокроусовым встали по обеим сторонам подъезда, а Синеев сразу направился к таксисту и вежливо поинтересовался:

– Ваша пассажирка расплатилась?

– Нет, просила подождать, – ответил водитель, удивленно посмотрев на любопытствующего громилу в камуфляжной форме.

– Сколько с нее? – доставая деньги, спросил Синеев.

– Тридцатка. – Таксист пожал плечами и окинул испуганным взглядом двух спутников здоровья, которые изображали абсолютное равнодушие и полную непричастность к происходящему, хотя он прекрасно видел, как все трое вылезли из вишневого «вольво».

– Возьмите и быстро уезжайте. – Синеев сунул водителю деньги, махнул ему рукой и направился к «вольво». Он был уверен, что таксист понял его правильно, и тот, не задавая лишних вопросов, немедленно укатил. Затем Синеев поставил автомобиль прямо напротив подъезда. Он не стал глушить двигатель, приоткрыл все дверцы, капот и на крыле разложил кое-какие инструменты.

А тем временем Татьяна безрезультатно пыталась выяснить у подруги, что произошло. Ей было страшно оставлять Лену в таком состоянии на лестничной площадке, она завела ее в холл и усадила у окна – подальше от охранника фирмы.

– Ты можешь толком объяснить, что случилось? – склонившись над подругой, тихо спросила Татьяна.

– Это конец! Это конец! Это конец! – с безумным постоянством твердила Лена. – Со мной все кончено. Все кончено...

– Тебя что, Сергей бросил? – допытывалась Татьяна, удивляясь, что подруга так сильно переживает уход в общем-то нелюбимого мужа и потерю трех с половиной тысяч долларов.

– Это конец, – неистово мотала головой Лена. – Меня все бросили. Все... Понимаешь? Со мной все кончено.

– Сиди здесь, я попробую отпроситься на час, – наконец сказала Татьяна. Она побежала к своему начальнику, но на полпути обернулась и для пущей убедительности еще раз строго проговорила: – Сиди здесь и жди меня.

В этом повторном приказе не было никакой необходимости, потому что самостоятельно Лена не могла сдвинуться с места. Смертельный ужас настолько сковал ее, что она не поднялась бы, даже если бы увидела своих преследователей, о которых только догадывалась.

Быстро вернувшись, Татьяна нашла свою подругу в состоянии глубокой прострации, но та уже могла связно отвечать на вопросы, а взгляд ее сделался более осмысленным.

– Все в порядке, меня отпустили. Пойдем, здесь рядом есть кафешка, – сказала Татьяна и попыталась помочь Лене встать. – Там расскажешь.

– Нет! – испуганно воскликнула Лена. Совершенно неосознанно она сопротивлялась даже мысли о том, что ей все же придется покинуть это помещение. Внезапный приступ агорафобии оказался столь сильным, что она вцепилась обеими руками в подругу и взмолилась:

– Давай побудем здесь! Я боюсь на улицу. У вас есть какая-нибудь комнатка?

– Нет у нас лишних комнаток, впритык друг к другу сидим, – начиная раздражаться, ответила подруга. – Слушай, ты лучше расскажи, может, я смогу чем помочь.

– Да чем ты мне поможешь? – подняв на нее мученический взгляд, в отчаянии произнесла Лена. – У тебя выпить что-нибудь есть?

– Сейчас принесу, у ребят должно быть, – подумав, ответила Татьяна, но Лена, будто не слушая, продолжала удерживать ее за рукав и бессвязно бормотать:

– Да. Ну кто мог такое подумать? Мне нужно выпить. Так нельзя. Я успокоюсь и что-нибудь придумаю.

Молча разжав пальцы подруги, Татьяна снова поспешно ушла и вскоре вернулась с плоской фляжкой коньяка и пластиковым стаканчиком.

После ее ухода Лена вдруг вскочила с кресла и спряталась за колонну. Она прислушивалась к рабочему гомону за дверями кабинетов и напряженно думала, надо или нет рассказывать подруге о том, что в действительности произошло. Лена догадывалась, какой будет реакция Татьяны – та постарается поскорее избавиться от нее, и, возможно, она поступила бы точно так же. Она отлично понимала, что никакая дружба, тем более женская, такого испытания выдержать не в состоянии. Татьяна просто испугается последствий, поскольку страшное возмездие может задеть любого, кто в этот момент окажется рядом.

Выпив больше половины стаканчика коньяку, Лена закашлялась, затем глубоко вздохнула и прислонилась спиной к стене.

– Я тоже, пожалуй, глоточек, – едва прикрыв доньшко стаканчика, сказала Татьяна. – Ну говори, что там у тебя?

– Да ничего особенного, – начиная хмелеть, сонно ответила Лена. Выражение лица у нее сразу сделалось безразличным, а голос – хриплым, словно она только что встала с постели. – Истерика. Я на эти бабки собиралась поехать в Турцию, а он, видишь, опередил.

– О Господи, – с облегчением вздохнула Татьяна. – А я-то уж думала... Так вы что, поссорились?

– Если бы только, – спокойно ответила Лена и криво усмехнулась. – Расстались... как в кино. А я уезжать собралась. Слушай, ты не могла бы дать мне взаймы?

– Сколько? – после небольшой паузы спросила Татьяна.

– Сколько сможешь, – ответила Лена. – Чем больше, тем лучше. Две, три тысячи. Если есть пять, давай пять. – Она была почти уверена, что никогда не сумеет отдать этих денег, но

подобные вопросы ее больше не волновали – надо было спасаться. Более того, Лене пришло в голову, что таким же образом она попытается занять у Бездыря и у всех, до кого сможет добраться, не рискуя быть пойманной, а затем навсегда исчезнуть из Москвы.

– Больше тысячи не могу, – напряженно ответила Татьяна, и по лицу ее было видно, что она терзается, пытаясь разгадать мысли и планы подруги. – Сейчас у меня только мелочь. Вечером позвони мне домой, я скажу точно.

– Танечка, – неожиданно трезвым, бодрым голосом обратилась к ней Лена. – Займи сейчас у кого-нибудь из ребят. Честное слово, через неделю отдам. Я тебя напугала? Ты не обращай внимания. Так, нервы не выдержали. Через неделю вернется Антон и все будет в порядке.

– Ладно, подожди здесь, – наконец решила Татьяна, которую вполне удовлетворил ответ подруги. Удачное упоминание об Антоне убедило ее в том, что Лена просто сорвалась из-за постоянных выяснений отношений с мужем и любовником.

Татьяне удалось занять для Лены чуть более полутора тысяч долларов. Получив деньги, Лена принялась так страстно благодарить подругу, что снова вызвала у нее подозрения. Татьяна почувствовала, что за странным поведением Лены кроется нечто большее, чем рядовой семейный скандал, что Лена скрыла от нее главное, и, если она испугалась поделиться этим с лучшей подругой, стало быть, произошло действительно что-то сверхсерьезное.

По тому, как Татьяна забеспокоилась, Лена догадалась о ее подозрениях и заторопилась.

– Спасибо, Танечка, я побежала. Через неделю позвоню.

– Лен, только точно, – каким-то просительным, жалобным тоном промолвила Татьяна. – А то мне придется отдавать свои. А у меня, сама знаешь, одна зарплата.

– Ну конечно, – с преувеличенной горячностью проговорила Лена, и это откровенно фальшивое обещание окончательно убедило Татьяну в том, что назад денег она не получит никогда.

– Лен, стой. Лена! – пытаясь хоть как-то задержать ее, засуетилась Татьяна. Судорожно сжимая и разжимая кулачки, она на ходу пыталась придумать, как убедить подругу вернуть деньги. Ей нужно было только заполучить их обратно в руки, и тогда бы она под любым, даже самым глупым предлогом, унесла бы их назад. Но было поздно – Лена уже подошла к выходу, охранник раскрыл перед ней дверь, и она помахала подруге рукой.

Несколько рискованный, но все же вполне осуществимый план, который так вовремя возник у нее в голове, вернул Лене уверенность в завтрашнем дне. «С миру по нитке – мертвому рубашка», – подумала она и сама испугалась этой мысленной оговорки. «Бедному рубашка, – поспешно поправила она. – Нищему... Голому рубашка... Конечно, голому». Из-за идиотской обмолвки сердце у нее снова затрепетало от тягостного предчувствия, ноги сделались ватными и отказывались идти, но надолго застревать в этом подъезде казалось ей непростительной глупостью, хотя Лена не смогла бы толком объяснить, в чем именно состоит эта глупость.

Спускаясь по ступенькам, Лена вспомнила о таксисте, который, наверное, давно уже потерял всякую надежду получить причитающиеся ему тридцать рублей, и подумала: «Хорошо бы его там не было. Обойдется, накает за день».

Она еще некоторое время постояла на нижней площадке, не решаясь выйти на улицу. Боязнь открытого пространства давно прошла, но что-то мешало ей покинуть это сомнительное убежище. Наконец где-то на третьем этаже хлопнула квартирная дверь, послышались торопливые шаги, и вскоре мимо нее с беспечным лицом прошествовал высокий молодой человек. Он сильно толкнул входную дверь, Лена попыталась было пристроиться за его спиной, но увидела у подъезда вишневое «вольво», и сердце у нее зашло от смертельного ужаса. Из автомобиля с раскрытыми дверцами на нее испуганно таранился заместитель начальника охраны банка «Золотой рассвет» – Синеев. Обнаружив, что у него кончились сигареты, тот на несколько секунд оставил свой пост у двери и нырнул в машину. Именно в этот момент и появилась Лена.

Встретившись с беглянкой взглядом, Синеев тут же отвернулся, но понял, что его заметили, и выскочил из машины.

Ломов с Мокроусовым, которые все это время находились слева от двери и делали вид, что занимаются починкой машины, догадались, что произошло, по поведению и растерянному лицу Синеева. Пропустив жильца дома, Ломов глянул в оба конца переулка, затем с подчеркнутой неторопливостью вошел в подъезд и уже здесь бросился вверх по ступенькам. Мокроусов швырнул в машину какую-то металлическую деталь и сразу последовал за ним. И только Синеев забрался на заднее сиденье «вольво» и приготовился – он должен был принять Лену в машине.

Преследователи настигли ее между первым и вторым этажами. Лена даже не пыталась отбиваться или кричать, но Ломов завел ей обе руки за спину, сильно прижал хрупкую девушку к себе и зажал рот рукой, а подоспевший Мокроусов ухватил ее за ноги.

– Тихо, тихо, Леночка, – ласково приговаривал Ломов. – Все в порядке. Все будет хорошо. Только не делай глупостей.

Охранникам пришлось тащить Лену на себе. В первые несколько секунд она совершенно потеряла всякую возможность двигаться и как парализованная лишь тихонько мычала. И только когда они спустились на первый этаж и Мокроусов, забежав вперед, распахнул перед ними дверь, ее будто взорвало изнутри.

– Помогите!!! – во весь голос завизжала она. Затем Лена извернулась и так лягнула Мокроусова каблуком в живот, что тот придушенно взвыл, отпустил ручку двери и снова вцепился в беглянку. С остервенелым лицом он занес было над ней кулак, чтобы ударить, но Ломов опередил его. Свободной рукой он отмахнулся от Мокроусова и внушительно рявкнул:

– Открой дверь, козел!

Вспомнив, что находится в подъезде жилого дома, Мокроусов снова бросился к двери, а Ломов обхватил Лену двумя руками и так сжал, что у нее затрещали кости и перехватило дыхание. Она почувствовала, что теряет сознание, еще раз попыталась крикнуть, но большая потная ладонь, словно пластырь, залепила ей всю нижнюю половину лица.

На втором этаже с опозданием открылась дверь конторы, из которой Лена вышла несколько минут назад. Охранник фирмы спустился на пролет и перегнулся через перила, но в подъезде уже никого не было.

Очнулась Лена уже в машине, на выезде из Москвы. Она попыталась поменять положение тела, но сделать это оказалось невозможно: руки у нее были чем-то прочно стянуты за спиной, а ноги зажаты коленями двух ее мучителей. Стиснутая с обеих сторон здоровыми охранниками, Лена чувствовала себя как в тисках. Открыв глаза, она тут же зажмурилась, но не сумела сдержаться и застонала.

– Просыпается, – насмешливо проговорил Синеев.

– Проснется, я ей дам, сучке. – Охранник, сидевший слева от Лены, грубо толкнул ее плечом, и она поняла, что именно ему заехала каблуком в живот.

– Отстань от нее, – поглядев в зеркало на Мокроусова, сказал Ломов. – Она свое получит.

Слова человека, сидящего за рулем, подействовали на Лену как объявление смертного приговора. По щекам ее ручьем потекли слезы, она громко с надрывом всхлипнула и уронила голову на колени.

– Раньше надо было думать, – наставительно проговорил Синеев и похлопал пленницу по аккуратному рыжему затылку. – Красивой жизни захотелось? Понятно. А теперь вот платить придется. Дурочка ты, дурочка, куда влезла...

– Ты лучше расскажи, где твои поделнички, – перебил его Ломов, которого покорило от неуместного здесь отеческого тона Синеева.

– Я не знаю, честное слово, не знаю, – сквозь рыдания проговорила Лена и повернулась к заместителю начальника охраны банка: – Александр Николаевич, отпустите меня. Клянусь, у меня денег нет.

– Это мы и без тебя знаем, – хвастливо заявил Синеев.

Они давно уже свернули с кольцевой дороги, проехали несколько километров по разбитому поселковому шоссе, затем по пыльной грунтовке и, миновав заброшенные песчаные карьеры, снова выскочили на ровную асфальтовую дорогу. Здесь Ломов замешкался, очевидно позабыв, в какую сторону сворачивать, но затем уверенно взял влево. А вскоре машина подъехала к одинокому двухэтажному домишке, окруженному со стороны дороги роскошным сосновым бором. Щитовой дом стоял особняком в стороне от привилегированного дачного поселка и был отгорожен от него высоким деревянным забором. Он почти не отличался от стандартных загородных хибар, а на фоне безвкусных кирпичных коттеджей в три и четыре этажа и вовсе выглядел большой сторожевой будкой.

Лену отвели в просторный подвал и поместили в маленькой комнатке рядом с котельной, наполовину заваленной брикетным углем. Площадь этого железобетонного бункера как-то не вязалась с размерами хибары, под которой он располагался. Посреди подвала возвышалась чугунная печь, очевидно литая на заказ. Дверца печи была настежь раскрыта, и в черном обожженном нутре топки были видны дрова, сложенные аккуратным шалашиком.

В каморке с Леной остался один Ломов. Он подтолкнул ее к обитому клеенкой топчану, приковал наручниками к вертикальной трубе и устроился напротив, на старом плетеном стуле.

Некоторое время они сидели молча. Лена вынуждена была забраться на топчан с ногами, тихонько поскуливала и постоянно вытирала пальцами нос. Ломов бесстрастно смотрел на пленницу и, казалось, ждал, когда она заговорит.

– Кто еще об этом знает? – наконец спросил он.

– Ник-то, – выдавила из себя Лена.

– Только не надо ля-ля! На квартире у этого твоего Антона кто-то вчера был, рылся в вещах, забрал фотографии, – сказал Ломов. Он взял Лену за подбородок, приподнял голову и попытался заглянуть ей в глаза. – Где ты сегодня ночевала?

– У... у друга, – стуча зубами, ответила Лена.

– Дальше, дальше – как его зовут, где живет? Чем занимается – мы сами узнаем.

– Вы же меня не убьете, правда?! – снова залившись слезами, проговорила Лена. Она опрокинулась к стене, как испуганное животное задергалась на хромированной цепочке, привалилась головой к трубе и истошно заголосила: – Ребята, вы не убьете меня?! Он же кинул меня! У меня нет денег! У меня ничего-ничего больше нет. Как тебя зовут? Как тебя зовут?

– Никак, – ответил Ломов.

– Я продам свою квартиру, деньги тебе! Я отдам все!

– Как зовут твоего друга и где он живет? – бесстрастно наблюдая за ее судорожными телодвижениями, повторил свой вопрос Ломов.

– Я скажу, я все, что хочешь скажу, только поклянись, что вы меня не убьете, – совсем тихо попросила Лена.

– Я не могу тебе ничего обещать, – так же невозмутимо ответил Ломов. – Но я могу сделать так, что ты все равно скажешь. Не тяни время, у нас его нет.

– Но ты мне поможешь? – не теряла надежды Лена. – Хоть чуть-чуть поможешь? А я продам квартиру, все тебе...

– Помогу, – пообещал Ломов.

– Коля Буздырь. Николай Александрович Буздырь, – постоянно всхлипывая, заторопилась Лена. – Он работает администратором в ресторане «Буревестник». Это рядом с Киевским вокзалом. Я ему все рассказала и попросила помочь найти Антона. У него такие связи...

– Больше никто? – сразу же встав со стула, спросил Ломов.

– Никто, клянусь, – приподнявшись на локте, ответила Лена и, вспомнив о подруге, добавила: – Таньке я ничего не сказала. Я просто заняла у нее. Если бы она узнала, не дала бы.

– Заняла? – удивился Ломов. Он достал из кармана конверт, в котором Татьяна отдала Лене деньги, и спросил: – Вот эти?

– Да, – кивнула Лена.

– Я думал, ты свои забрала, – внимательно разглядывая пленницу, проговорил Ломов.

– Свои... мои... – снова всхлипнула Лена. – Это были наши общие деньги. С Сергеем. С моим мужем. Я опоздала почти на час, и он успел вперед меня.

– Значит, он все-таки там бы-ыл, – с растяжкой, удовлетворенно произнес Ломов. Он направился к двери, но у порога задержался и неожиданно спросил: – А ты знаешь, что в дипломате?

– Деньги, – жалобно прошептала Лена, а затем еще тише добавила: – Миллион баксов.

– Понятно, – задумчиво проговорил Ломов.

Он запер дверь каморки на засов и по вертикальной металлической лестнице поднялся на первый этаж, который был разделен фанерной перегородкой на две комнаты: поменьше – кухня, побольше – гостиная. В этой самой гостиной Мокроусов, вальяжно развалившись в кресле, потягивал водку с апельсиновым соком, а Синеев со стаканом такого же коктейля копался в хозяйской видеотеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.